

M $\frac{78}{442}$
N2

M $\frac{78}{442}$

785 пошлой

М 442
РУССКО-ЯПОНСКАЯ ВОЙНА

ВЪ НАБЛЮДЕНИЯХЪ И СУЖДЕНИЯХЪ ИНОСТРАНЦЕВЪ.

ВЫПУСКЪ II-й.

Ю. ЛАЗАРЕВИЧЪ.

СТРАТЕГИЧЕСКІЕ И ТАКТИЧЕСКІЕ
УРОКИ
РУССКО-ЯПОНСКОЙ ВОЙНЫ.

ЛЁФФЛЕРЪ

МАЮРЪ САКСОНСКАГО ГЕНЕРАЛЬНАГО ШТАБА.

Издатель В. Березовский

КОМИССИОНЕРЪ ВОЕННО-УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЙ.

С.-Петербургъ, Колокольная улица, домъ № 14.

1906.

Складомъ В. А. Березовскаго

ПРЕДПРИНЯТО НОВОЕ ИЗДАНИЕ

ПОДЪ НАЗВАНІЕМЪ:

НАБЛЮДЕНІЯ И СУЖДЕНІЯ ИНОСТРАНЦЕВЪ о Русско-Японской войнѣ.

Въ изданіе это предполагается включить все наиболѣе замѣчательное, появившееся за границую. Сюда войдутъ статьи, помѣщенные въ военныхъ журналахъ, разборы военныхъ дѣйствій, доклады военныхъ агентовъ, воспоминанія участниковъ иностранцевъ, выдержки изъ сочиненій и нѣкоторыя сочиненія цѣликомъ, а также схемы, фотографическія и картографическія приложенія.

Все это будетъ распределѣно по выпускамъ различнаго объема, выходящимъ въ разные сроки, въ зависимости отъ имѣющагося матеріала.

- ВЫПУСКЪ I. ПОУЧЕНІЯ, ИЗВЛЕЧЕННЫЯ ИЗЪ ОПЫТА РУССКО-ЯПОНСКОЙ ВОЙНЫ
маіоромъ германской службы Иммануэлемъ. Съ чертежами
въ текстѣ и 8 картами (*вышелъ*) . . . . . 1 р.
- „ II. СТРАТЕГИЧЕСКІЕ И ТАКТИЧЕСКІЕ УРОКИ РУССКО-ЯПОНСКОЙ ВОЙНЫ
маіора саксонскаго генеральнаго штаба Леффлера (*вышелъ*).
50 к.
- „ III. ИЗЪ ОПЫТА РУССКО-ЯПОНСКОЙ ВОЙНЫ. ТАКТИЧЕСКІЕ ВЫВОДЫ капи-
тана французскаго генеральнаго штаба Нисселя (*вышелъ*).
50 к.
- „ IV. АТАКИ ЯПОНЦЕВЪ ВО ВРЕМЯ ВОЙНЫ ВЪ ВОСТОЧНОЙ АЗИИ 1904—
1905 гг. маіора германскаго генер. штаба Лютвица . . .
печатается.
- „ V. ИЗЪ ЗАПИСОКЪ ОЧЕВИДЦА МУНДЕНСКИХЪ БОЕВЪ маіора гер-
манской службы Бронсара ф. Шеллендорфа. . . *печатается.*

Слѣдующіе выпуски будутъ печататься по мѣрѣ выхода иностраннаго матеріала.

ТРЕБОВАНИЯ АДРЕСОВАТЬ
въ Складъ В. А. БЕРЕЗОВСКАГО,

С.-Петербургъ, Колокольная улица, № 14.

РУССКО-ЯПОНСКАЯ ВОЙНА

ВЪ НАБЛЮДЕНІЯХЪ И СУЖДЕНІЯХЪ ИНОСТРАНЦЕВЪ.

78
442
ВЫПУСКЪ II-й.

Ю. ЛАЗАРЕВИЧЪ.

СТРАТЕГИЧЕСКІЕ И ТАКТИЧЕСКІЕ

УРОКИ

РУССКО-ЯПОНСКОЙ ВОЙНЫ.

ЛЁФФЛЕРЪ

МАЮРЪ САКСОНСКАГО ГЕНЕРАЛЬНАГО ШТАБА.

Иванъ В. Березовскій

КОМИССІОНЕРЪ ВОЕННО-УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЙ

С.-Петербургъ, Колокольная улица, домъ № 14.

1906.

2090.

2014028993

Типографія Тренке и Фюсно, С.-Петербургъ, Максимиліановскій, 13.

I.

Изложение взглядов и выводов майора Лёффлера мы начнем съ Мукденскаго сраженія и послѣдовавшаго за нимъ періода затишья вплоть до Портсмутскаго мира.

Весь рядъ боевъ, извѣстныхъ подъ именемъ Мукденскаго сраженія, обошелся русскимъ, по первымъ ихъ показаніямъ, въ 56,000 чел. раненыхъ, вывезенныхъ съ поля сраженія, 26,000 убитыхъ и раненыхъ, оставшихся на мѣстѣ, и 45,000—50,000 плѣнными; всего же убыль выражается приблизительно цифрой 130,000 чел., т. е. около $\frac{1}{3}$ всѣхъ бойцовъ. Позже, однако, въ официальныхъ сообщеніяхъ эти цифры значительно сократились и общая убыль представляется такъ: 2 генерала, 1,985 офицеровъ и 87,677 нижнихъ чиновъ.

Японцамъ побѣда обошлась въ 50,000 чел. Кромѣ безчисленнаго множества повозокъ и прочей матеріальной части, японцамъ досталось 2 знамени, 32 легкихъ и 26 тяжелыхъ орудій. Цифры эти поразительно малы, такъ какъ русскіе въ теченіе долгаго періода затишья навѣрное поставили въ укрѣпленія къ югу отъ Мукдена 200—300 тяжелыхъ орудій и старыхъ полевыхъ пушекъ съ поршневымъ затворомъ.

Такъ какъ большинство ихъ удалось увезти, то это ясно свидѣтельствуетъ, что отступление съ южнаго фронта подготавливалось русскими въ теченіе нѣсколькихъ дней.

Общій ходъ Мукденскаго сраженія, а въ особенности дѣйствія I сибирскаго корпуса служатъ новымъ подтвержденіемъ того, въ какой зависимости отъ дѣйствій атакующаго можетъ оказаться обороняющійся. Послѣднему ни разу не удалось осуществить сознательное, активное противодѣйствіе.

Его поступки скорѣе можно назвать постепенно ослабѣвающими отбивами ударовъ, наносимыхъ ему атакующимъ.

Въ теченіе войны раздавалось не мало голосовъ, называвшихъ этотъ пассивный образъ дѣйствій «печатью проклятія» обороны. Это несправедливо.

Вѣдь и оборона должна руководиться яснымъ планомъ дѣйствій, стремленіемъ къ опредѣленной цѣли.

Ужасъ / Сущность обороны не имѣетъ ничего общаго съ почти безсознательнымъ и неувѣреннымъ бездѣйствіемъ русскихъ; обороняющійся, быть можетъ, мѣстами конвульсивно какъ бы вздрагивалъ и подергивался, принимая это за проявленія активности, но это было заблужденіемъ.

Необходимо остерегаться обобщать явленія, имѣющія лишь частныя причины, и осудить оборону лишь на томъ основаніи, что всѣ неудачные полководцы быстро погрязаютъ въ пассивномъ образѣ дѣйствій.

Тотъ, кто послѣ извѣстнаго періода выжиданія событій не можетъ рѣшиться на самостоятельныя дѣйствія, навѣрное скоро совсѣмъ разучится дѣйствовать. Стоитъ вспомнить быстрый переходъ къ пассивному образу дѣйствій австрійцевъ въ первую половину похода 1859 г. въ Италіи.

Ужасъ / Вся неподвижность и неспособность къ движенію русскихъ въ Мукденскихъ бояхъ происходитъ отъ группировки ихъ силъ.

Всѣ тѣ части, которыя занимаютъ въ оборонительномъ бою передовую линію, не могутъ быть предназначаемы на что-либо иное, кромѣ отбиванія атаки, стоя на мѣстѣ. Активное противодѣйствіе высшаго командованія можетъ быть осуществлено лишь тѣми силами, которыя оставлены имъ въ резервѣ, да-

леко позади, и потому изъяты из сферы вліянія первоначальныхъ предпріятій атакующаго и хода боя.

Всѣ корпуса русской арміи, въ общемъ, находились въ передовой линіи, занимая фронтъ такой длины, что ихъ едва хватало для удержанія этой позиціи. Единственный резервъ, бывшій въ распоряженіи главнокомандующаго—XVII корпусъ, стоялъ южнѣе Хуньхэ, такъ близко къ оборонительной позиціи, что онъ и не могъ быть употребленъ на что-либо другое, кромѣ непосредственной поддержки первой линіи и образованія новаго фронта, для парализованія японскаго обхода.

Кромѣ того, около $\frac{1}{4}$ его ушло назадъ въ прикрытіе желѣзной дороги, когда тамъ появился слабый японскій летучій отрядъ.

Другая $\frac{1}{4}$ была перетянута на правый флангъ при обнаруженіи обхода, такъ что на самомъ полѣ сраженія осталась отъ него всего лишь одна дивизія. Всѣ силы, направлявшіяся для противодѣйствія японскаго обхода, все яснѣе и яснѣе обнаруживавшагося, приходилось брать съ самыхъ позицій.

Къ какому перемѣшиванію и нарушенію связи привела эта мѣра—всѣмъ хорошо извѣстно.

Главная невыгода этой мѣры заключалась въ томъ, что она не могла дать ничего иного, кромѣ чисто фронтальнаго противодѣйствія японцамъ. Войска, бывшія къ югу отъ Хуньхэ, нужно было сначала отводить къ Мукдену, а оттуда они бросались на западъ, прямо на фронтъ наступавшихъ японцевъ. Но ясно, что японскій обходъ долженъ былъ наткнуться не на простое фронтальное сопротивленіе, а на дѣйствительное, рѣшительное противодѣйствіе свѣжихъ силъ, наступающихъ съ сѣвера, въ связи съ сопротивленіемъ, оказываемымъ на новомъ фронтѣ.

Клаузевицъ пишетъ въ своемъ «Походѣ 1796 г. въ Италію» слѣдующее:

«Вообще мы полагаемъ, что въ новыхъ оборонительныхъ сраженіяхъ резервы, поставленные очень далеко и потому

очень поздно вводимые въ дѣло, могутъ оказать очень хорошее дѣйствіе, подобно тѣмъ корпусамъ, которые прибываютъ на поле сраженія къ концу боя. Чѣмъ дальше назадъ стоятъ резервы, тѣмъ труднѣе непріятельскимъ колоннамъ ихъ обойти. Исторія знаетъ очень мало сраженій, въ которыхъ атакующій отказывался отъ попытки произвести обходъ. Простымъ движеніемъ впередъ этихъ резервовъ обороняющійся въ свою очередь обходитъ эти колонны. Затѣмъ, въ современныхъ бояхъ рѣдко обнаруживаются критическіе моменты, а если они и появляются, то только когда обѣ стороны выбились уже изъ силъ. Отсюда ясно, что можно всегда воспользоваться резервомъ или подходящимъ къ полю сраженія корпусомъ, для склоненія успѣха на свою сторону, пока поле сраженія нами еще не очищено».

Можно ли дать событіямъ Мукденскаго сраженія лучшую оцѣнку, чѣмъ эти строки, написанныя чуть не 100 лѣтъ тому назадъ?

Мы не останавливаемся на вопросѣ — насколько оказался полезнымъ для русскихъ ихъ растянутый фронтъ. Во всякомъ случаѣ, для охраненія его, а въ центрѣ для его удержанія, слѣдовало бы назначить возможно слабыя силы. За ними слѣдовало держать нѣсколько корпусовъ, хотя бы по одному на армію, въ непосредственной близости, верстахъ въ 10—12, въ видѣ первой поддержки.

На самыхъ крайнихъ флангахъ и особенно на равнинѣ, на правомъ флангѣ, нельзя было бы рекомендовать заблаговременно предрѣшать упорную оборону на передовыхъ линіяхъ. Тамошнія слабыя силы могли бы безъ вреда для цѣлаго отойти назадъ и опереться на стоящіе за ними корпуса, которые, какъ въ дѣйствительности и случилось къ юго-западу и западу отъ Мукдена, выставляли бы противъ распространяющагося обхода японцевъ все новые и новые фронты.

Далеко назадъ, къ сѣверу, долженъ былъ находиться резервъ главнокомандующаго, который слѣдовало двинуть только

тогда, когда обходъ окончательно бы завершился и когда это простое движеніе на югъ выводило во флангъ японцамъ.

Если принять въ расчетъ фактическій ходъ событій, то несомнѣнно, что не позже 18 февраля, движеніе значительныхъ японскихъ силъ между Ляохэ и Хуньхэ было извѣстно русскимъ. Только 20 февраля обходящія силы развернулись къ западу отъ Мукдена. Рѣшеніе же боя состоялось 23 и 24 февраля.

Ждать тамъ долго развертыванія японскихъ силъ конечно не слѣдовало. Но если бы два совершенно свѣжихъ корпуса начали 20 вечеромъ или 21 утромъ наступленіе съ полдороги между Мукденомъ и Тѣлиномъ, т. е. верстъ за 55 отъ передовыхъ укрѣпленій фронта Шахэ, то они вышли бы на флангъ японскаго обхода самое позднее 22 февраля. Если бы это предпріятіе не имѣло успѣха, то неудачи русскихъ въ эту войну слѣдовало бы приписать не одному командованію, но и войскамъ.

Во всякомъ случаѣ такой образъ дѣйствій больше гарантировалъ успѣхъ, чѣмъ разстановка всѣхъ частей арміи одна рядомъ съ другой, безъ надлежащаго расчлененія въ глубину, приведшая къ перетягиванію на новый фронтъ свободныхъ дивизій.

Въ чрезмѣрномъ растягиваніи оборонительнаго фронта и въ равномѣрномъ распредѣленіи по нему войскъ заключается еще одна невыгода.

При такомъ положеніи вещей атакующему вовсе нѣтъ необходимости вести атаку на весь фронтъ.

Отсюда ясно, что сначала большая или меньшая часть фронта вынуждена оставаться въ бездѣйствіи; пройдетъ много времени, прежде чѣмъ обнаружится отсутствіе непріятеля передъ нимъ. Для перехода съ лѣваго на правый флангъ нужно было 2—3 дня. Поэтому сомнительно, чтобы русскіе успѣли сосредоточить достаточныя силы, если бы японцы всѣ силы

свои направили на одинъ флангъ и, благодаря своей внутренней силѣ, быстро добились бы успѣха.

Японцы, въ значительный ущербъ размѣрамъ своей побѣды, въ угоду русскимъ почтили своей атакой весь ихъ фронтъ и даже охватили оба фланга.

Едва ли необходимы дальнѣйшія разсужденія и доказательства того, насколько быстрѣе и рѣшительнѣе былъ бы успѣхъ японцевъ къ западу и сѣверу отъ Мукдена, если бы они усилили обходную армію 4—5 дивизіями. Силы русскихъ въ Цинхченѣ и далѣе къ востоку не могли бы оказать вліянія на исходъ боя, если бы противъ нихъ не было ни одного непріятельскаго солдата. Лѣвому русскому флангу тѣмъ труднѣе было бы отступить на сѣверъ, чѣмъ дольше онъ сначала пробылъ бы на югѣ. Поэтому вытѣсненіе русскихъ съ Гаотулинскаго перевала и изъ Бяньяпузы отчаянными атаками является совершенно лишнимъ. Лучше было вести ихъ далѣе къ западу противъ укрѣпленнаго фронта, чтобы приковать къ мѣсту тѣ корпуса, которые могли бы подать первую помощь правому флангу русскихъ.

Въ настоящемъ мукденскомъ сраженіи японцы до 17 февраля оттѣснили довольно значительно къ сѣверу крайній восточный флангъ русскихъ, облегчая ему отступление, и атаковали ихъ всего сильнѣе къ востоку отъ Бяньяпузы. Разрозненная и растянутая, слабая японская 4-я армія не имѣла достаточно внутренней силы для рѣшительной атаки и потому русскіе корпуса, стоявшіе на Шахэ, на половину были убраны и переброшены на правый флангъ.

Совершенно иначе должна бы сложиться обстановка, если бы совершенно не трогали русскихъ у Цинхчена, у Бяньяпузы и къ востоку вели атаки слабыми силами, а зато повели бы энергичную атаку 5—6 дивизіями на фронтъ Шахэ и 10—12 дивизіями обошли правый флангъ русскихъ.

Трудно тогда представить себѣ, какъ бы удалось русскимъ избѣжать вынужденнаго отступления въ восточномъ напра-

вленіи. Если же бы это случилось, то полная катастрофа была неизбѣжна.

Однимъ словомъ, чрезмѣрная растянутость русскаго фронта отнюдь не требовала отъ японцевъ еще больше растягивать свой, намѣреваясь охватить оба фланга и окружить противника. Вслѣдствіе этого они разбросались и потеряли во внутренней силѣ. Ошибка русскихъ требовала, напротивъ, оставленія одной части непріятели на время безъ вниманія и удара значительно превосходными силами на одинъ изъ фланговъ, всего лучше на правый, и тѣмъ быстро привести дѣло къ развязкѣ.

Оборонительная позиція, какъ ее заняли русскіе на Шахэ, очень похожа своей безпомощностью на линейный боевой порядокъ армій XVIII вѣка. Какъ въ то время Фридрихъ Великій, вѣрно понявшій истинную слабость этого порядка, воспользовался большей подвижностью своихъ войскъ и всѣми силами атаковалъ одинъ флангъ, прежде чѣмъ противникъ могъ принять необходимыя мѣры, такъ должны были дѣйствовать и японцы, а не отвѣчать на чрезмѣрное растягиваніе непріятельской позиціи такимъ же растягиваніемъ своихъ силъ.

Но для японцевъ дѣло заключалось не только въ размѣрахъ побѣды. Они должны были разсчитывать, какъ доказано выше, что ихъ обходъ можетъ быть встрѣченъ такимъ же обходомъ силами, расположенными гдѣ-нибудь къ сѣверу. Для предохраненія себя отъ такой опасности имъ слѣдовало оставить нѣкоторый резервъ. Это соображеніе еще больше говоритъ въ пользу мнѣнія, что имъ надлежало сосредоточить сюда большія силы.

При той обстановкѣ, какъ фактически разыгрался бой, съ одной стороны, двинутые съ сѣвера 2—3 русскихъ корпуса не нашли бы противъ себя никакихъ свѣжихъ японскихъ силъ, а со стороны послѣднихъ тѣ 4—5 дивизій, которыя

шли на западномъ флангѣ, также не встрѣтили бы сопротивленія. Что бы при этомъ произошло—вполнѣ очевидно.

Мукденское сраженіе дало новый поводъ къ обвиненію русской конницы въ недостаточной развѣдкѣ. Многіе голоса доходятъ до утверженія, будто не только послѣднее сраженіе, но и вся война проиграны вслѣдствіе малаго знакомства съ намѣреніями противника. Это грубая и безусловная ошибка.

Оставимъ въ сторонѣ вопросъ—была ли русская конница вообще на высотѣ своей задачи и выполнила ли она ее. Въ критическіе февральскіе дни значительная часть ея была стянута съ праваго фланга къ сѣверу для охраны желѣзной дороги.

Оставшіеся полки дѣйствовали повидимому безъ общаго руководства. Между тѣмъ на войнѣ даже самая лучшая и многочисленная кавалерія никогда не сможетъ опредѣлить намѣренія противника, и лишь въ рѣдкихъ случаяхъ, и то только въ нѣкоторыхъ пунктахъ, ей удастся выяснитъ силы его.

И даже, если она выполнитъ такое невозможное требованіе, высшее командованіе, которое будетъ ждать рѣшеній противника, чтобы принять свое, всегда запоздаетъ и не достигнетъ поставленной себѣ цѣли.

Развѣдка противника, доставка донесеній, составленіе общей картины изъ неясныхъ, отрывочныхъ, иногда противорѣчивыхъ свѣдѣній, отдача приказаній и выполненіе ихъ—все это требуетъ столько времени, что продолжающіяся и развивающіяся дѣйствія противника обыкновенно въ корень измѣняютъ обстановку, на которой командующій арміей строилъ рѣшенія.

Ни одинъ изъ побѣдоносныхъ полководцевъ не зналъ въ выигранныхъ имъ сраженіяхъ о противникѣ все до мелочей.

Стоитъ вспомнить, какія жалкія свѣдѣнія о противникѣ имѣлъ Наполеонъ; въ какой неизвѣстности былъ фельдмаршалъ Радецкій въ 1849 г. въ сраженіи при Новарѣ; въ ка-

кой темнотѣ дѣйствовало высшее командованіе нѣмцевъ подѣ Кениггредомъ и въ войну 1870—1871 гг. Несомнѣнно, что и японскій главнокомандующій обязанъ своими успѣхами не полному или относительно хорошему знанію противника. Высшее командованіе должно носить этотъ свѣтъ въ своей головѣ. Освѣщеніе обстановки извнѣ не проникнетъ туда, гдѣ зарождаются рѣшенія.

Что касается мукденскаго сраженія, то было бы совершенно ложно утверждать, что русское высшее командованіе слишкомъ поздно узнало объ обходѣ своего праваго фланга. Первые къ тому указанія были получены 15 февраля; 18 эти догадки превратились въ увѣренность, а 20 началось серьезное наступленіе къ западу отъ Мукдена. Такимъ образомъ для принятія соответствующихъ мѣръ было отъ 1½ до 2 сутокъ.

При другой группировкѣ силъ, какъ уже сказано выше, эти мѣры могли бы быть осуществлены во-время и въ рѣшающемъ направленіи, если бы онѣ начались далеко позади, не раньше 20 февраля. Изъ боевого порядка, принятаго русской арміей, нельзя было ни въ какомъ случаѣ выйти на это рѣшающее направленіе, даже если бы эти мѣры были приняты еще до 18 февраля. На этой группировкѣ силъ, въ основѣ которой не могла лежать опредѣленная, сознательная цѣль, съ самаго начала тяготѣла печать бесплодности и пораженія, и если она не привела къ катастрофѣ, то это благодаря образу дѣйствій японцевъ.

Вышеизложенное отнюдь не имѣетъ цѣлью умалить значеніе хорошей развѣдки и пользу отъ достаточно сильной кавалеріи, стоящей на высотѣ современныхъ требованій. Она незамѣнима, чтобы узнать, куда поставить ногу при движеніи впередъ; гдѣ дѣйствія противника сказываются всего опредѣленнѣе. Результаты развѣдки должны всегда сопутствовать рѣшеніямъ начальника и облегчать ему провѣрку — на вѣрномъ ли пути онъ находится.

Но начальникъ, даже и на низшихъ степеняхъ командной іерархіи, пропадетъ на войнѣ, если онъ самъ по себѣ не сознаетъ, чего онъ хочетъ, что ему нужно дѣлать; если онъ думаетъ, что ему слѣдуетъ выждать результатовъ развѣдки, чтобы взять ихъ за исходную точку своихъ дѣйствій, освѣтитъ ими свою внутреннюю темноту.

Несмотря на уничтоженіе своего флота, исключавшее возможность нанесенія безусловнаго пораженія врагу, несмотря на Портъ-Артуръ, Ляоянъ, Шахэ и Мукденъ, Россія къ началу августа 1905 года находилась въ стратегическомъ равновѣсіи съ Японіей.

Тотчасъ послѣ Мукденскаго пораженія казалось, что начавшіеся внутренніе беспорядки парализуютъ силу сопротивления манджурской арміи, и сила, не способная сломить врага, сломитъ саму себя. Есть много признаковъ, указывающихъ на то, что русское правительство сначала колебалось — призывать ли запасныхъ для новой мобилизаціи.

Но вскорѣ начали отправляться на Дальній Востокъ подкрѣпленія. Послѣ прибытія 3-й и 4-й стрѣлковыхъ бригадъ и IV армейскаго корпуса послѣдовало развертываніе 5 стрѣлковыхъ бригадъ въ дивизіи. Затѣмъ были мобилизованы XIX, IX, XIII и XXI корпуса, изъ которыхъ XIX корпусъ началъ прибывать на театръ военныхъ дѣйствій въ началѣ августа. Къ началу сентября могъ прибыть IX корпусъ, въ слѣдующемъ мѣсяцѣ XIII и затѣмъ XXI.

Благодаря этому, русскія вооруженныя силы, не считая 60,000 чел. во Владивостокѣ, могли бы быть доведены до 600,000 чел., т. е. до числа, котораго японцы никогда бы не смогли выставить путемъ формированія новыхъ резервныхъ частей.

Послѣ всѣхъ потерь и поражений русская армія къ концу войны была сильнѣе, чѣмъ въ первомъ рѣшительномъ бою.

При такомъ положеніи вещей, усиленіе давленія на Россію было неосуществимо. Даже новая побѣда японцевъ не улуч-

шила бы ихъ положенія, если бы не была захвачена русская территория. Осада Владивостока и наступленіе въ южную часть Уссурийскаго края, какъ показываетъ осада Портъ-Артура, были бы рискованнымъ предпріятіемъ, послѣ того какъ крѣпость въ теченіе 1^{1/2} лѣтъ готовилась къ осадѣ; кромѣ того пришлось бы отдѣлить для него такія значительныя силы, что равновѣсіе на манджурскомъ театрѣ военныхъ дѣйствій было бы окончательно потеряно для японцевъ.

Стратегическій путь, избранный японцами, привелъ къ серединѣ 1905 г. къ концу ихъ успѣховъ, лежавшихъ на немъ.

Нельзя поэтому отказать японскому правительству въ признаніи того, что оно не поддавалось опьянѣнію побѣдъ и воздѣйствію страстей слѣпой толпы, а трезво создало эти внутреннія условія и, конечно съ тяжелымъ сердцемъ, рѣшилось на заключеніе мира.

Этимъ и объясняется ихъ уступчивость, а вмѣстѣ съ тѣмъ уменьшается раздутое значеніе успѣховъ Витте. Правда, онъ умѣлъ очень ловко создать этотъ успѣхъ, но для этого ему нужно было надежное основаніе.

Никогда одна побѣда не будетъ сама по себѣ похожа на другую. Кенигтрецкое сраженіе имѣло, несмотря на меньшій разгромъ австрійцевъ, чрезмѣрно большее вліяніе, чѣмъ Мукденское сраженіе, потому что оно коснулось сердца побѣжденныхъ. На заключеніе мира вліяетъ не сама побѣда, какъ бы ослѣпительна она ни была, но фактическое воздѣйствіе на силу сопротивленія противника.

Поэтому исходъ войны зависитъ не столько отъ поисковъ побѣдъ, сколько отъ того направленія, въ которомъ этихъ побѣдъ ищутъ. Нужно распознать центръ тяжести положенія и сразу направить туда свои усилія.

Этого въ восточно-азиатской войнѣ не было и потому требованіе контрибуціи не имѣло ни законнаго основанія, ни внутренняго смысла.

II.

Уроки войны.

Борьба на Дальнемъ Востокѣ, потерявшая, вслѣдствіе медленнаго хода событій, интересъ среди большой публики, а вмѣстѣ съ тѣмъ заслуживающая, ради этихъ событій и ихъ послѣдствій, наибольшаго вниманія, окончена. Россія вытѣснена изъ областей, захваченныхъ ею силою. Распространеніе до Портъ-Артура и до Кореи было равносильно протягиванію руки за предѣлы возможнаго и оказалось ошибкой, при столкновеніи съ дѣятельнымъ и рѣшительнымъ врагомъ.

Должна ли была дальновидная и мудрая политика лучше уяснить себѣ границы возможнаго и слѣдуетъ ли обвинять управлявшихъ дѣлами Россіи со времени Симоносекскаго договора въ слѣпотѣ или даже преступной злонамѣренности?

Вообще люди склонны ставить сужденія въ зависимости отъ успѣховъ извѣстнаго предпріятія. Этотъ успѣхъ кажется исполнѣ естественно развившимся, а такъ какъ за постепеннымъ зарожденіемъ его обыкновенно слѣдятъ безъ надлежащей критики, то въ человѣкѣ все больше и больше крѣпнетъ смутное сознаніе, что успѣхъ этотъ предвидѣлся имъ уже давно. Отсюда до приписыванія руководителямъ непостижимыхъ глупостей и ошибокъ одинъ шагъ.

Клаузевицъ, въ отношеніи полководцевъ, говоритъ слѣдующее:

«Можно вообще сказать, что всѣ несчастливья военныя предпріятія, явившіяся слѣдствіемъ ряда ошибокъ, никогда не складываются такъ, какъ думаетъ публика. Люди, даже изъ самыхъ плохихъ полководцевъ, въ своихъ поступкахъ, все же не лишены здраваго человѣческаго смысла и никогда бы не сдѣлали такой глупости, которую имъ приписываютъ и обще-

ство, и историческіе критики. Большинство этихъ послѣднихъ пришло бы въ изумленіе, если бы узнало всѣ ближайшіе мотивы поступка и весьма вѣроятно, что и сами также бы соблазнились ими, какъ и тотъ полководецъ, котораго они теперь рисуютъ полусумасшедшимъ.

«Ошибки конечно имѣются, но онѣ обыкновенно лежатъ глубже, въ недостаткахъ сужденія и слабостяхъ характера, которые не обнаруживаются сами собой, но которые можно разыскать и выяснить, лишь сравнивъ всѣ основанія, руководившія дѣйствіями побѣжденнаго, съ ихъ результатами.

«Эти поиски истины заднимъ числомъ, конечно, должны быть разрѣшены критикѣ, но это гораздо легче, чѣмъ принятіе правильнаго рѣшенія въ минуту дѣйствія».

Это относится въ меньшей мѣрѣ и къ политикѣ. Въ сколькихъ случаяхъ собственной частной жизни люди даже послѣ рѣшенія вопроса не дѣлаются умнѣе, чѣмъ прежде.

Дурной исходъ войны поэтому можно поставить въ вину отдѣльнымъ лицамъ лишь въ самыхъ рѣдкихъ случаяхъ, если только они не распоряжались, подобно неограниченному властителю, въ родѣ Наполеона, всѣми средствами государства. Обыкновенно же общая обстановка полна слабыхъ мѣстъ, и чувства всего народа неспособны на сильный порывъ.

Подобныя эпохи не выносятъ во главѣ своей даже лучшихъ и самыхъ дѣятельныхъ людей. Эпоха до 1806 г. и событія этого года въ Пруссіи могутъ служить лучшимъ тому примѣромъ.

Въ ходѣ вещей недостатки, укрытые въ дѣйствующихъ личностяхъ, присоединяются къ общей слабости и такимъ путемъ суммируется цѣлый рядъ факторовъ, ведущихъ къ отрицательному результату, тогда какъ инстинктъ толпы ищетъ лицо, которое могло бы послужить козломъ отпущенія.

Если вдуматься въ положеніе вещей послѣ Симоносекскаго договора, то попытка Россіи утвердиться на берегахъ Печилійскаго залива раньше, чѣмъ туда потянется Японія, будетъ

вполнѣ понятна. Все же это предпріятіе было опасно. Къ тяжести, давившей на Дальнемъ Востокѣ, прибавили этимъ новый грузъ, которому не соотвѣтствовала тонкая цѣпь одноколейной Сибирской дороги. Безусловно было бы надежнѣе сначала утолстить цѣпь, а затѣмъ подвѣсить къ ней болѣе тяжелый грузъ. Время, однако, не позволило остановиться на этомъ рѣшеніи и потому не оставалось ничего иного, какъ считаться съ возросшей опасностью. Слѣдуетъ, однако, признать, что эта опасность ясно не сознавалась, иначе Россія должна была одновременно приступить къ прокладкѣ второго пути.

Сначала въ Россіи вполнѣ одобряли кажущіеся успѣхи на Дальнемъ Востокѣ. Лишь послѣ неудачной войны въ народѣ все больше и больше распространилось убѣжденіе, что правительство слишкомъ быстро дѣйствовало на Дальнемъ Востокѣ; что было бы лучше путемъ внутреннихъ реформъ поднять силы народа и шагнуть къ Печипійскому заливу лѣтъ черезъ 40—50. При этомъ однако забыли, что въ то время пришлось бы сдѣлать этотъ шагъ черезъ головы засѣвшихъ тамъ японцевъ, и можно утверждать, что если бы это движеніе встрѣтило сопротивленіе японцевъ, то на голову русскаго правительства посыпалось бы не меньше упрековъ, чѣмъ теперь, въ отсутствіи дальновидности и въ недостаткѣ энергіи.

Россія въ настоящее время безусловно проиграла борьбу за обладаніе спорной областью. Но этотъ фактъ могъ быть установленъ только путемъ борьбы и никто не могъ его предвидѣть. И если Россія укрѣпилась на Дальнемъ Востокѣ, вполнѣ сознавая грядущія событія и довѣряясь своимъ внутреннимъ силамъ, можно лишь одобрить такое рѣшеніе, несмотря на неудачный исходъ войны. Лишь въ томъ случаѣ, если бы руководящіе люди были слѣпы къ нарастающей опасности или если бы они поддались убѣжденію, что время само поможетъ пережить кризисъ, критикъ имѣлъ бы право обвинить ихъ въ совершеніи ошибокъ. Подобная надежда конечно была заблужденіемъ. Японія была слишкомъ близка къ спорной области и имѣла

въ ней черезчуръ интенсивные интересы, чтобы отказаться отъ скорой рѣшительной борьбы.

Только черезъ десятки лѣтъ исторія въ состояніи будетъ выяснитъ — что руководило на Дальнемъ Востокѣ Россіей: сознательная ли ясность цѣлей или случайныя надежды?

Теперь же приходится удовольствоваться выясненіемъ возможныхъ рѣшеній и воздержаться отъ оцѣнки дѣйствующихъ лицъ.

Въ народѣ съ самаго начала не было одушевленія войной, хотя и не замѣчалось, въ среднихъ и низшихъ классахъ по крайней мѣрѣ, отрицательнаго отношенія къ ней. Это послѣднее появилось и начало расти одновременно съ плохими извѣстіями съ войны и мало-по-малу дошло до лишенія правительства средствъ на продолженіе войны.

Какъ разъ противоположное господствовало у японцевъ. Тамъ всё были проникнуты мыслью о несправедливости Симонсекскаго договора, въ связи съ занятіемъ русскими Портъ-Артура, и о возмездіи за это. Близость театра военныхъ дѣйствій къ ихъ родинѣ увеличила интересъ японцевъ къ войнѣ, а извѣстія о побѣдахъ подняли ихъ самосознаніе и одушевленіе ею.

Общія условія, на которыя болѣе или менѣе опирается и полководецъ, были такимъ образомъ для японской главной квартиры неизмѣримо благоприятнѣе, чѣмъ для русской, а съ теченіемъ войны это отношеніе еще болѣе измѣнилось къ худшему для этой послѣдней.

Это справедливо и по отношенію къ живымъ боевымъ силамъ, ставшимъ лицомъ къ лицу на Дальнемъ Востокѣ.

Извѣстная безпечность къ будущему, недостатокъ сознанія долга, доходящаго до самопожертвованія, неспособность отдаться общему дѣлу, отсутствіе чувства отвѣтственности передъ своей совѣстью и народомъ, всё эти характерныя особенности русскихъ, въ связи съ тяжеловѣсностью плохо подготовленнаго

запаса арміи, не могли не оказать своего дѣйствія на внутреннее достоинство арміи.

Къ этому слѣдуетъ прибавить и склонность къ ближнему бою вмѣстѣ съ пренебреженіемъ огнемъ, что считалось не только не недостаткомъ, но, напротивъ, преимуществомъ русскаго солдата.

Нельзя отрицать прекрасныя военныя качества русскаго солдата, его умѣренность, преданность начальнику и презрѣніе къ смерти, но все это не могло уравновѣсить перечисленныхъ выше слабыхъ сторонъ. Къ тому же они все болѣе и болѣе были заглушены неудачами на поляхъ сраженія, что будетъ всюду и съ любой арміей.

Поэтому слѣдуетъ поставить вопросъ—не оказался ли генералъ Куропаткинъ жертвой этихъ условій въ большей степени, чѣмъ жертвой слабости своихъ полководческихъ способностей?

Конечно, въ неудачѣ виновны не одни эти обстоятельства. Чтобы привести къ ней, нужно было суммирование многихъ причинъ, которыя, какъ бы по велѣніямъ судьбы, опредѣлили ходъ событій.

Несмотря на это, отвѣтственность за успѣхъ боя падаетъ прежде всего на полководца, если только онъ не былъ такъ ограниченъ въ средствахъ, что это исключало всякую надежду на успѣхъ. Этого на сторонѣ русскихъ не было. Даже самый сдержанный обозрѣватель не можетъ не признать, что въ пользованіи боевыми средствами, особенно въ рѣшительныхъ сраженіяхъ, были сдѣланы рѣшительныя ошибки, основанныя не на однихъ свойствахъ характера главнокомандующаго, но и на ложныхъ представленіяхъ о сущности веденія войны. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно вспомнить отдѣльныя событія войны.

Характерную черту веденія войны генераломъ Куропаткинымъ составляетъ отсутствіе ясной, собственной цѣли, опираю-

щейся на отчетливое пониманіе потребностей данной минуты; слѣдствіемъ этого является все возрастающая пассивность.

Вполнѣ понятныя судорожныя подергиванія и реагированіе на тактическія дѣйствія противника не могутъ быть сочтены за дѣйствія въ истинномъ значеніи этого слова, хотя конечно выжидательная пассивность, доведенная даже до крайнихъ предѣловъ, за которыми уже начинается подчиненіе противнику, должна быть признана за дѣйствіе. Ясный примѣръ тому даетъ образъ дѣйствій адмирала Того, начиная съ осени 1904 г. и до Цусимскаго боя.

Оборонительныя дѣйствія русскихъ на Дальнемъ Востокѣ совсѣмъ не слѣдовало ставить въ такую роковую зависимость отъ противника, какъ это оказалось на самомъ дѣлѣ. Они находились въ счастливомъ положеніи, имѣя между собой и сердцемъ государства необъятныя земельныя пространства, благодаря чему они могли пользоваться неограниченной свободой дѣйствій и тыла; слѣдовательно имъ вовсе не было обязательнымъ сражаться непремѣнно за тотъ или иной пунктъ. Японцы, въ свою очередь, терпѣли не менѣе русскихъ отъ ограниченія условій для быстроты и направленія движеній, что происходило отъ характера театра военныхъ дѣйствій.

Справедливость этого взгляда подтверждается тѣмъ, что фактически японцы послѣ 1½ лѣтъ войны, выигравъ 3 рѣшительныхъ сраженія, правда, заняли часть южной Манджурии, но ни на волосъ не приблизились къ центру русскаго могущества. Больше того: остались нетронутыми даже самыя крайнія границы дѣйствительныхъ владѣній русскихъ на Дальнемъ Востокѣ—кромѣ Сахалина—даже тѣ части русскою территоріи, которыя легко были достижимы для японцевъ, благодаря ихъ полному господству на морѣ.

Приостановка японцевъ отнюдь не можетъ свидѣтельствовать о скромности ихъ желаній. Она несомнѣнно явилась слѣдствіемъ убѣжденія, что они приблизились къ той границѣ распространенія, на которой еще можно было сохранить равно-

вѣсѣ съ противникомъ, но за которой начиналась область потерь и возвратныхъ ударовъ. Даже и новая громадная побѣда не могла бы привести ни къ чему другому, какъ къ простому передвиженію на новое мѣсто.

Для достиженія этого нужно было бы напрячь всѣ вооруженныя силы, сосредоточивъ ихъ противъ арміи, хотя и трижды разбитой, но все же не побѣжденной.

Страстно желаемая и безъ сомнѣнія проектированная съ самаго начала войны, столь важная для заключенія мира, осада Владивостока была теперь не по силамъ японцамъ.

Главные основы общаго положенія дѣлъ не могутъ быть измѣнены даже самыми рѣшительными боями, а потому для составленія правильнаго взгляда на войну необходимо дойти до этихъ внутреннихъ основъ. Отъ нихъ начинается та красная нить, которая затѣмъ проходитъ чрезъ всѣ событія.

Разсматриваемое съ этой точки зрѣнія стратегическое положеніе русскихъ на Дальнемъ Востокѣ совсѣмъ не было въ неблагопріятныхъ, не говоря уже объ отчаянныхъ, условіяхъ.

Часто приходится слышать утверженіе, что низшій командный элементъ, а въ особенности кавалерія создали генералу Куропаткину безвыходное положеніе.

Правда, въ этомъ отношеніи въ началѣ войны было сдѣлано много ошибокъ, въ особенности въ видѣ неумѣнія младшихъ начальниковъ управлять совмѣстными дѣйствіями различныхъ родовъ оружія. Но это едва ли можетъ освободить главнокомандующаго отъ отвѣтственности. Ясность взгляда, увѣренность и опредѣленность, исходящія отъ главнокомандующаго, проникнуть и растекутся по всѣмъ частямъ гигантскаго организма и окажутъ свое дѣйствіе. Если твердая воля призываетъ къ дѣйствію своихъ подчиненныхъ и даетъ имъ общее, постоянное направленіе, то они не могутъ съ неуѣренностью бродить въ потемкахъ; напротивъ, каждое движеніе получаетъ значеніе въ общемъ ходѣ дѣла и ведетъ къ общей цѣли.

Это справедливо въ меньшей степени и по отношенію къ кавалеріи, и если командный элементъ и не долженъ ставить свои рѣшенія въ исключительную зависимость отъ донесеній о противникѣ, то все же ея дѣйствія будутъ гораздо увѣреннѣе, если она будетъ ясно сознавать, чего она хочетъ; другими словами, если развѣдка будетъ направлена по вѣрному и опредѣленному пути.

Конечно, распоряженія высшаго командованія и дѣятельность подчиненныхъ органовъ взаимно поддерживаютъ друга друга.

Но побужденіе, направленіе и цѣли даются первымъ изъ нихъ.

Истинно великій полководецъ укрѣпляетъ и закаляетъ оружіе въ рукахъ своихъ подчиненныхъ. Конечно, ни одинъ скульпторъ не станетъ обрабатывать твердый матеріалъ мягкимъ деревомъ, а механически работающій ремесленникъ при помощи прекраснаго инструмента все же можетъ создать что-либо. Поэтому для достиженія успѣха на войнѣ орудія войны никогда не будутъ достаточно хороши. Но самый лучший инструментъ будетъ мертвъ и бесполезенъ, если его не возьметъ въ руки артистъ. Руководимый этимъ артистомъ, инструментъ этотъ будетъ изнашиваться постепенно, тогда какъ въ рукахъ кропателя онъ послѣ нѣсколькихъ бесплодныхъ ударовъ зазубрится и станетъ негоднымъ.

Трагическая участь генерала Куропаткина, подобно генералу Бенедеку въ 1866 г., заключается въ томъ, что онъ таковой рѣзкой неудачей закончилъ свою карьеру послѣ долгихъ лѣтъ плодотворной работы. Но трагедія эта заключается не томъ, что ему дали непосильную задачу, а въ томъ, что его духовныя силы оказались слабыми для того, чтобы справиться съ этой задачей, что его характеру и духу не хватало порыва, чтобы подняться на полную высоту исторической личности.

Все это нечто иное какъ глупыя фразы, когда несчаст-

наго полководца выставляют на половину глупцомъ или слѣпымъ упрямцемъ или больнымъ, а его армію изображаютъ въ видѣ сборища трусовъ и обманщиковъ. При такихъ сужденіяхъ люди не даютъ себѣ труда поискать причины неудачъ въ иномъ мѣстѣ, кромѣ своей личной фантазіи.

Всѣхъ этихъ недостатковъ высшаго командованія, арміи и народа, въ которыхъ, какъ въ болотѣ, застряли боевыя дѣйствія русскихъ, у японцевъ не было.

Бодрый духъ предприимчивости, при крайней осторожности въ дѣйствіяхъ, замѣчается не только въ каждомъ шагѣ главной квартиры, но и во всей арміи.

Положительно самъ приобретаешь бодрость, слѣдя за самостоятельностью, отсутствіемъ боязни отвѣтственности во всѣхъ частяхъ арміи, за стремленіемъ впередъ съ полнымъ сознательнымъ отношеніемъ къ общему положенію дѣлъ. Неоднократно приходилось высшему начальству вмѣшиваться въ дѣло, чтобы умѣрить боевой пылъ и удержать войска въ соотвѣтствующихъ обстановкѣ рамкахъ—лучшее доказательство превосходнаго духа и тактической подготовки арміи.

Дома же весь народъ былъ полонъ одушевленія войной.

Извѣстія съ войны усиливали это одушевленіе, пока затянувшаяся неожиданно война не повліяла нѣсколько успокаивающимъ образомъ на народъ.

Благодаря этому японцы до мая 1905 г. продолжали наступленіе, и передъ изслѣдователемъ встаетъ вопросъ—соотвѣтствуютъ ли достигнутые результаты цѣлямъ японцевъ и выставленнымъ ими силамъ? Затѣмъ можно ли принять японскій образъ дѣйствій за образецъ или же, напротивъ, въ немъ имѣются стратегическія и тактическія ошибки, которыя, правда, покрываются достигнутыми успѣхами, но при другой обстановкѣ могли бы привести къ возвратнымъ ударамъ?

Подобная критическая работа может показаться бесплодной, въ виду конечнаго результата всѣхъ разбираемыхъ дѣйствій: «побѣдителей не судятъ»!

Но на самомъ дѣлѣ это утверженіе ложно въ самомъ своемъ основаніи.

Никогда еще война не велась ради самой войны; цѣлью ея всегда былъ возможно выгодный миръ. Миръ всегда будетъ сообразованъ съ требованіями, вызвавшими объявленіе войны, если удастся сломить силы врага и продиктовать ему условія мира.

Но для этого необходимо, чтобы армія могла достигнуть центра тяжести непріятельскихъ силъ и чтобы можно было поразить противника въ самое сердце.

Это обыкновенно достигается путемъ уничтоженія достижимой живой вооруженной силы противника. Поэтому люди привыкли принимать на вѣру такое уничтоженіе за цѣль войны. Фактически же ожидаемый результатъ получается лишь послѣ уничтоженія всей непріятельской арміи, когда ударъ распространился на всю непріятельскую страну или на значительную часть ея, какъ то было, напр., съ Пруссіей въ 1806—1807 гг. и съ Франціей въ 1870—1871 гг.

Для Японіи въ войнѣ съ Россіей объ этомъ не могло быть и рѣчи, такъ какъ нечего было и думать о полномъ пораженіи, которое дало бы право диктовать условія мира.

Чтобы добиться желаннаго мира, Японія должна была бы обладать иными принудительными мѣрами, чѣмъ уничтоженіе вражескихъ вооруженныхъ силъ. Эти мѣры представлялись имъ подъ видомъ занятія Ляодунскаго полуострова и южной Манджуріи, изъ-за которыхъ произошла ссора. Занятіе безпомощной Кореи являлось побочной операціей, требовавшей лишь незначительныхъ силъ.

Еще болѣе важнымъ средствомъ для производства дѣйствительнаго давленія на Россію былъ захватъ русскихъ владѣній, т. е. кромѣ Сахалина, мало цѣнимаго русскими, взятіе Владивостока и Южно-Уссурійскаго края. Если бы этотъ захватъ удался, то въ рукахъ японцевъ, кромѣ спорныхъ областей, былъ бы еще очень важный залогъ, за возвратъ котораго можно было бы вынудить значительную контрибуцію. Безъ такого же залога подобная претензія являлась совершенно необоснованной. Если бы Россія на нее и согласилась, то лишь подъ давленіемъ внутреннихъ смуть, для скорѣйшаго окончанія непопулярной войны, но никакъ не вслѣдствіе успѣховъ Японіи.

Изъ этихъ соображеній вытекаетъ для японцевъ слѣдующій планъ войны:

Рѣшительный перевѣсъ въ силахъ былъ обезпеченъ японцамъ на много мѣсяцевъ. Это предписывало имъ быстрыя дѣйствія, чтобы достигъ поставленныхъ себѣ цѣлей раньше, чѣмъ русскіе успѣютъ сосредоточить на театрѣ военныхъ дѣйствій достаточныя силы.

Быстрое наступленіе тамъ, гдѣ можно было непосредственно и чувствительнымъ образомъ нанести ударъ интересамъ русскихъ, т. е. на Ляодунскомъ полуостровѣ и въ южной Манджуріи, позволяло также надѣяться встрѣтить здѣсь сопротивленіе противника, а слѣдовательно уничтожить его боевыя средства и подготовить себѣ продолжительное обладаніе этими землями въ качествѣ залога.

Для нѣкоторыхъ читателей можетъ показаться абсурдомъ и противорѣчающимъ сущности войны постановка овладѣнія страной на 1-й планъ, а уничтоженія непріятельскихъ силъ на 2-й. Но въ данномъ случаѣ это именно и должно было произойти.

Нѣтъ ни одной войны похожей на другую, а въ особенности тамъ, гдѣ жизненный нервъ страны находится въ сферѣ

вліянія вражеской силы или тамъ, гдѣ послѣдняя не можетъ даже коснуться его.

Конечно японцы должны были разбить непріятельскія силы, находившіяся въ сферѣ ихъ вліянія, но не ради простого уничтоженія ихъ, какъ въ другихъ случаяхъ, но чтобы приобрѣсти залого и обезпечить обладаніе ими до заключенія мира.

Первые шаги японцевъ при осуществленіи своего плана войны не совсѣмъ соотвѣтствовали положенію вещей и потому они и не достигли того, на что имѣли право рассчитывать съ затраченными ими средствами.

Съ этой точки зрѣнія всякое ослабленіе имѣвшихся въ ихъ распоряженіи силъ только уменьшало шансы на нанесеніе быстрого и страшнаго удара; дорого было также и время.

Самъ по себѣ японскій планъ войны, какъ можно предположить по многимъ признакамъ съ достаточной степенью достовѣрности, соотвѣтствовалъ вышеприведеннымъ требованіямъ.

Японское высшее командованіе, очевидно, желало ускорить высадку на Ляодунскомъ полуостровѣ, взятіе Портъ-Артура и движеніе на Ляоянъ. Конечно, оно имѣло въ виду затѣмъ и экспедицію противъ Владивостока.

Но десантъ на Ляодунскомъ полуостровѣ затянулся вслѣдствіе преувеличенной боязни русскаго флота и ложныхъ воззрѣній на организацію подобной операціи. Это привело къ ошибочному рѣшенію произвести высадку въ Кореѣ и къ потерѣ времени на подходъ 1-й арміи къ берегамъ Ялу. Первоначальная, вполне обоснованная мысль овладѣть Портъ-Артуромъ въ нѣсколько недѣль, вслѣдствіе этого также не могла быть осуществлена. Между тѣмъ, если бы эти намѣренія удалось привести въ исполненіе, Портъ-Артурская армія могла бы усилить армію въ южной Манчжуріи, а бывшія къ тому времени уже мобилизованными 7 и 8 дивизіи могли бы быть направлены противъ Владивостока. Этимъ и объясняется первоначальная задержка этихъ дивизій. Но здѣсь же кроется и ошибка: японцы слишкомъ широко задумали свой планъ и

уже съ самаго начала войны, не сдѣлавъ еще первыхъ шаговъ, готовились къ дальнѣйшимъ ея событіямъ.

Конечно общія предположенія полководца не должны и не могутъ останавливаться на рѣшеніи, обеспечивающемъ выполнение только перваго шага; къ обдумыванію слѣдующаго шага нельзя приступать по окончаніи предыдущаго. Но при выполненіи задуманнаго плана нужно къ первому же шагу приложить всѣ силы. Примѣшиваніе къ этому шагу заботъ о слѣдующемъ шагѣ, заблаговременно высасывающихъ силы и тѣмъ ослабляющихъ шансы на успѣхъ первыхъ шаговъ, конечно ошибочно. Въ области стратегіи не должно быть резервовъ для иныхъ какихъ-либо задачъ. Она требуетъ, въ противоположность тактикѣ съ ея принципомъ постепеннаго расходванія силъ, крайняго сосредоточенія дѣйствій всѣхъ подручныхъ силъ, какъ во времени, такъ и въ пространствѣ.

Вѣроятно, эта мысль нерѣдко давала себя знать маршалу Оямѣ и генералу Кодамѣ. Въ ляоянскомъ сраженіи они навѣрное съ горечью сознали отсутствіе у нихъ двухъ дивизій. Будь онѣ въ ихъ распоряженіи, пораженіе русскихъ было бы полное.

Другую ошибку японскаго высшаго командованія составляетъ медленность военныхъ дѣйствій въ началѣ войны, обусловливаемая высадкой въ Кореѣ.

При принятіи подобнаго рѣшенія, японцами руководили слѣдующія соображенія: желаніе овладѣть полуостровомъ въ политическомъ отношеніи; сомнѣніе въ возможности произвести десантную операцію близъ Портъ-Артурской эскадры, въ связи съ мнѣніемъ, что движеніе отъ Ялу обеспечиваетъ возможность десанта на Ляодунѣ, и, наконецъ, надежда, что десантъ въ Кореѣ оттянетъ русскія войска отъ южной Манджуріи и дастъ возможность высадиться въ тылу ихъ.

Относительно перваго соображенія распространяться нечего.

Беззащитной Кореѣ можно было овладѣть во всякое время; поэтому занятіе ея не слѣдовало ставить на первый планъ.

Второе соображеніе все-таки опиралось на фактическую опасность. Но русской эскадрѣ въ ночь съ 26 на 27 января 1904 г. былъ нанесенъ сильный ударъ и благодаря этому шансы разбить русскій флотъ, если бы онъ произвелъ попытку помѣшать японскому десанту, возросли.

Побережье у Бицзыво, гдѣ три мѣсяца спустя была фактически произведена высадка, годилось для этой цѣли уже въ февралѣ. Острова Эллиотъ служили отличнымъ опорнымъ пунктомъ японскому флоту и прикрывали транспортную флотилію, такъ какъ отсюда японцы могли очень удобно встрѣтить всякія попытки нападенія на ихъ транспорты.

Принимая это въ соображеніе, нельзя считать отчаяннымъ поступкомъ высадку на Ляодунъ тотчасъ же послѣ начала войны. Правда, на войнѣ обыкновенно преувеличиваютъ силу противника. Но даже съ японской точки зрѣнія ихъ флота было совершенно достаточно, чтобы подъ прикрытіемъ его произвести десантную операцію.

Неоспоримо, что побѣдоносное движеніе черезъ Ялу къ Фынхуанчену непосредственно прикрывало высадку у Дагушаня и увеличивало безопасность высадки у Бицзыво, такъ какъ противникъ, пожелавшій двинуться на югъ, долженъ былъ выставить сильный заслонъ. Кромѣ того, японская главная квартира не разчитывала на такую потерю времени вслѣдствіе движенія черезъ Корею—отъ начала февраля до середины апрѣля.

Но если бы допустить, что разстояніе отъ Сеула къ Фынхуанчену (450 верстъ) было бы пройдено въ 5 недѣль, то въ это время непріятель могъ подвезти на театръ военныхъ дѣйствій почти 2 корпуса и косвенное прикрытіе высадки у Бицзыво не было бы осуществлено. Двухъ корпусовъ было достаточно для заслона противъ Фынхуанчена.

Въ настоящее время едва ли кто можетъ сомнѣваться въ возможности немедленной высадки у Бицзыво, благодаря слабости морскихъ и сухопутныхъ силъ русскихъ.

Но дѣйствительную слабость русскихъ, въ особенности ихъ флота, заранѣе нельзя было опредѣлить навѣрняка.

Поэтому-то въ началѣ войны такое предпріятіе могло показаться рискованнымъ и дерзкимъ, чего на самомъ дѣлѣ не было. Но было настоятельно необходимо дерзнуть. Отказавшись отъ этого, японцы дали русскимъ возможность спокойно закончить развертываніе сибирскихъ резервныхъ частей и уже подъ Ляояномъ принять бой съ равными силами. Это же позволило усилить Портъ-Артуръ до такой степени, что японцы потеряли возможность своевременно приступить къ его осадѣ.

Что же касается до третьяго соображенія—надежды на то, что русскіе двинутся въ Корею, то подобныя разсужденія едва ли имѣютъ цѣнность, такъ какъ основываются на предположеніи ошибокъ со стороны врага.

Въ сущности, использованіе грубыхъ ошибокъ противника даетъ на войнѣ наибольшіе результаты. Уничтоженіе въ большомъ сраженіи непріятельскихъ силъ невозможно безъ грубыхъ ошибокъ съ его стороны. Въ этомъ отношеніи можно напомнить о дѣйствіяхъ Наполеона противъ неподвижно стоявшаго подъ Ульмомъ Макка въ 1805 г., противъ пруссаковъ въ 1806 г. и движеніе арміи Макъ Магона вдоль бельгійской границы подъ Седаномъ въ 1870 г.

Но ошибки противника должны быть уже совершены или по меньшей мѣрѣ начаты.

Вернемся еще разъ къ наивыгоднѣйшему для японцевъ плану войны.

Послѣ счастливаго нападенія на русскій флотъ слѣдовало тотчасъ же произвести высадку на восточномъ побережьи Ляодуна, а можетъ быть и въ Дагушанѣ, гдѣ однако можно было встрѣтить сильное сопротивленіе. Затѣмъ отрѣзаніе и осада Портъ-Артура, сообщенія котораго могли быть прерваны во второй половинѣ февраля. Движеніе со всѣми остальными си-

лами, включая 7 и 8 дивизіи, къ Мукдену, занявъ въ то же время Корею 1—2 резервными дивизіями.

Русскимъ должно было бы покровительствовать особое военное счастье, и высшее командованіе ихъ должно было быть особенно талантливо, чтобы спасти отъ уничтоженія свои разбросанныя силы.

Позже японцы могли бы, овладѣвъ Портъ-Артуромъ, направить освободившуюся осадную армію противъ Владивостока. Приступить къ этому было бы еще не поздно, если бы Портъ-Артуръ продержался 4—5 мѣсяцевъ, т. е. до середины іюля, такъ какъ у японцевъ было бы все еще на двѣ дивизіи больше, чѣмъ то оказалось на самомъ дѣлѣ подъ Ляояномъ и Шахэ.

Помимо того, при осуществленіи такого плана кампаніи, русскіе сосредоточили бы свои силы къ сѣверу отъ Мукдена и имъ пришлось бы тогда самимъ перейти въ наступленіе. Въ послѣднемъ случаѣ для японцевъ было выгоднѣе и легче выждать подхода русскихъ и атаковать ихъ, чѣмъ выбивать ихъ изъ укрѣпленныхъ позицій подъ Ляояномъ и на Шахэ.

Критикуя дѣйствія японцевъ, мы далеки отъ желанія высказывать порицаніе ихъ высшему командованію. Кто на войнѣ преслѣдуетъ твердо опредѣленную цѣль, исполняетъ ясно поставленную задачу безъ колебаній и нерѣшительности, тотъ всегда добьется положительнаго и полезнаго результата. Это рѣзко выразилось въ японскомъ командованіи — въ противоположность русскому.

Соединеніе преимуществъ японскаго высшаго командованія со слабостью русскаго командованія, русской арміи и, быть можетъ, болѣе всего со слабостью всего государства привело къ огромному успѣху, который слѣпится глаза и при поверхностномъ сужденіи скрываетъ все ошибки японцевъ.

Быть можетъ, однако, *тактические уроки* войны заслуживаютъ большаго интереса.

Здѣсь первое мѣсто принадлежитъ *наступательному бою пѣхоты*, о которомъ столько писалось за нѣсколько лѣтъ до войны. Прежде всего слѣдуетъ отмѣтить, что всѣ формы, въ которыхъ пѣхота искала спасенія послѣ бурской войны, когда пораженія англичанъ пытались объяснить примѣненіемъ той или иной формы, остались на Дальнемъ Востокѣ непримѣненными.

На основаніи надежнѣйшихъ свѣдѣній, можно съ достовѣрностью сказать, что послѣ первыхъ боевъ японское командованіе рекомендовало *двигаться* болѣе рѣдкими цѣпями. Но всѣ наблюденія сходятся на томъ, что это распоряженіе не возымѣло настоящаго дѣйствія.

До конца войны японцы двигались густыми цѣпями и вели бой густыми огневыми линіями, зачастую локоть къ локтю.

Нѣкоторое исключеніе составляла 6-я дивизія, начальникъ которой предпочиталъ большее расчлененіе боевой линіи. Но именно она даетъ примѣръ, насколько мало это помогаетъ продвижанію огневой линіи впередъ. Случилось это во время атаки ею д. Ламутунъ въ послѣдніе дни боевъ на Шахэ.

Деревня эта была занята русской пѣхотой, частями XVII корпуса, уже сильно потрепаннаго въ первые дни, на Шилихэ, и отброшеннаго на 10—15 верстъ къ сѣверу, на Шахэ. Поэтому его пѣхота не могла уже къ тому времени въ полной мѣрѣ обладать необходимой стойкостью.

О поддержкѣ обороны Ламутуня артиллеріей ничего неизвѣстно; если нѣсколько батарей и было тамъ, то замѣтнаго вліянія на ходъ боя онѣ не оказали.

Пѣхота японской 6-й дивизіи, также повидимому не имѣвшая вначалѣ должной артиллерійской поддержки, наступая мелкими группами, до полудня подошла своей огневой линіей на 1,100—1,200 шаг. къ Ламутуню.

Но здѣсь она залегла на нѣсколько часовъ, не будучи въ силахъ хоть сколько-нибудь продвинуться впередъ.

Лишь послѣ того, какъ было выдвинуто 12—15 батарей, сосредоточившихъ на деревнѣ свой огонь, въ рядахъ русскихъ начало обнаруживаться нѣкоторое волненіе и одиночные люди начали уходить изъ деревни. Только тогда, въ полдень, японская пѣхота смогла двинуться впередъ и почти сразу дошла до деревни, безъ особаго сопротивленія со стороны русскихъ.

Въ теченіе продолжительныхъ періодовъ затишья японцы продолжали обучать свою пѣхоту, особенно прибывавшую на укомплектованіе. При этомъ изучались исключительно уставныя формы.

Преобладающая масса офицеровъ, на вопросы по этому поводу, заявила, что они не чувствуютъ потребности въ какихъ-либо другихъ формахъ.

Дальнѣйшее движеніе боевого порядка впередъ обуславливается сознаніемъ ослабленія непріятельскаго огня. Вообще японская пѣхота обнаружила совершенно выдающееся стремленіе сойтись съ врагомъ. Послѣ первой остановки для открытія огня движеніе впередъ шло быстро, съ короткими огневыми паузами, минутъ на 5—7, пока дѣйствительность непріятельскаго огня не доходила до слишкомъ большихъ размѣровъ. Такимъ способомъ боевыя линіи японцевъ обыкновенно продвигались впередъ на нѣсколько сотъ шаговъ.

Но затѣмъ только въ рѣдкихъ случаяхъ эти стрѣлковыя цѣпи имѣли достаточно внутренней силы, чтобы продолжать движеніе. Обыкновенно же толчокъ извнѣ, какъ, напр., артиллерія подъ Ламутунемъ или дѣйствіе другихъ частей во флангъ русскимъ, или же общій поворотъ боя въ пользу японцевъ, давалъ возможность вновь двинуться впередъ.

Зато стоило только этой возможности дать себя почувствовать или огню русскихъ сдѣлаться менѣе дѣйствительнымъ, и японскія боевыя линіи, ни минуты не колеблясь, бросались впередъ. Въ подталкиваніи свѣжими силами сзади

онѣ, повидимому, не нуждались. Стремленіе сойтись съ врагомъ грудь съ грудью жило въ каждомъ солдатѣ, въ каждомъ начальникѣ.

Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что японской пѣхотѣ никогда и нигдѣ внѣшнія формы не помогли пододвинуться ближе къ врагу или добиться побѣды. Для многочасовой, тяжелой борьбы нужны не особыя формы, а болѣе способный начальникъ, непреклонная воля котораго и ясное пониманіе вещей оживляютъ и одухотворяютъ войска. Высшее командование должно положить основаніе побѣды путемъ группировки силъ. Младшіе начальники всѣхъ степеней создаютъ своими тактическими дѣйствіями остоу побѣды.

Насколько быстро и тѣсно сплачиваются отдѣльныя части боевого порядка для достиженія общаго успѣха, зависитъ столько же отъ разумности, рѣшимости и цѣлесообразности распоряженій младшихъ начальниковъ, сколько отъ искусства и боевой годности войскъ.

Конечно, безъ внѣшнихъ формъ обойтись нельзя, такъ какъ иначе войска превратились бы въ толпу людей, но онѣ должны быть приспособлены къ современному оружію.

Нынѣшнее огнестрѣльное оружіе требуетъ съ одной стороны самага полнаго использованія мѣстности для подхода къ противнику и сильнѣйшаго огневого дѣйствія боевой линіи — съ другой. Поэтому объ иной формѣ, чѣмъ стрѣлковая цѣпь, не можетъ быть и рѣчи.

Тщательное использованіе мѣстности вызываетъ желательность предоставленія каждому солдату большей свободы движенія, а потому требуетъ большихъ интерваловъ въ цѣпи. Но желаніе развить наивысшее огневое дѣйствіе заставляетъ сосредоточивать въ цѣпи возможно большее число ружей. Граница послѣдняго требованія опредѣляется тѣмъ, чтобы стрѣлки не мѣшали другъ другу, а можетъ быть и тѣмъ соображеніемъ, что слишкомъ густая стрѣлковая цѣпь не только мѣшаетъ

стрѣльбѣ, но и несетъ несоразмѣрно большія потери отъ непріятельскаго огня, не окупаемыя дѣйствительностью своего.

Когда именно начинается этотъ переломъ во вредъ самой цѣпи, не смогутъ безапелляціонно рѣшить никакіе опыты мирнаго времени. Поэтому лучше придерживаться вѣрнаго правила, что большее число ружей дастъ и болѣшую дѣйствительность огня, пока не нарушена свобода дѣйствій стрѣлка для владѣнія ружьемъ. За золотую середину можно принять 1 — 1½ шага между стрѣлками; при надлежащей подготовкѣ стрѣлковъ эти интервалы сами собою сократятся за закрытіями и растянутся на открытыхъ участкахъ позицій.

Другой вопросъ заключается въ томъ — слѣдуетъ ли стрѣлковую цѣпь съ самаго начала доводить до необходимой густоты или же сначала высылать рѣдкія цѣпи и уже постепеннымъ вливаніемъ новыхъ рѣдкихъ цѣпей сгущать ихъ на тѣхъ участкахъ, гдѣ онѣ вынуждены открыть огонь?

Японцы вышли на войну съ первымъ способомъ и сохранили его до конца. На самомъ дѣлѣ общая цифра потерь при первомъ способѣ едва ли будетъ больше, чѣмъ при второмъ. Впрочемъ, вопросъ этотъ, какъ относящійся къ мелочамъ формальнаго свойства, не имѣетъ рѣшающаго значенія. Мудрствованія надъ пассивнымъ уменьшеніемъ собственныхъ потерь никогда не послужатъ на пользу; поэтому лучше подумать надъ тѣмъ, какъ повысить свою активную дѣятельность.

Къ какимъ послѣдствіямъ могутъ привести тактическія формы, въ основѣ своей противорѣчащія требованіямъ современнаго вооруженія, въ связи съ превратными тактическими возрѣніями, съ достаточной ясностью показываютъ несчастныя войны: 1806 г. для пруссаковъ, 1866 г. для австрійцевъ и 1904—1905 г. для русскихъ.

Между закостѣлостью въ устарѣлыхъ формахъ и формулахъ съ одной стороны и произвольными измышленіями искусственнаго формальнаго образа дѣйствій съ другой можно повидимому избрать средній, вѣрный путь. Этотъ послѣдній

считаетъ для себя достаточной форму, созданную на точныхъ основахъ, примѣняющуюся, благодаря надлежащему воспитанію начальниковъ, къ возрастающей трудности веденія боя.

Нельзя путемъ созданія специальныхъ искусственныхъ формъ рѣшать задачи наступленія и доведенія до конца пѣхотнаго боя. Эти формы не только сдадутъ на полѣ сраженія, гдѣ только *простѣйшее* жизненно, но онѣ уже въ мирное время убиваютъ животворящій духъ, способность къ разсужденію, не боязнь отвѣтственности и рѣшимость, какъ бы подсаживая рѣшеніе въ каждомъ частномъ случаѣ.

Повторяемъ: *не особыя формы намъ нужны, а особые начальники, отъ которыхъ исходитъ и передается каждому солдату спокойная увѣренность въ поступкахъ и въра въ успѣхъ.*

Въ такихъ начальникахъ, у которыхъ и солдаты будутъ хороши, и въ участіи всей націи въ войнѣ кроется тайна побѣды.

Все это имѣли на своей сторонѣ японцы въ минувшую войну.

Воспитать такихъ начальниковъ составляетъ въ тысячу разъ выгоднѣйшую работу мирнаго времени, чѣмъ заучиваніе искусственныхъ формъ, не имѣющихъ никакой связи съ сущностью дѣла и разсыпающихся подъ непріятельскимъ огнемъ въ пыль, какъ рассыпается перекаленное стекло отъ малѣйшаго удара.

Тактическія формы русскихъ осудили сами себя. Лучшимъ доказательствомъ этого служить тотъ фактъ, что съ начала 1905 года на театрѣ военныхъ дѣйствій войска усиленно обучались новымъ формамъ.

Хотя эти новыя формы и пытались обезпечить успѣхъ боя путемъ широкаго расчлененія огневой линіи на мелкія группы, съ механической смѣной движенія ихъ, но примѣненіе ихъ нигдѣ не дало побѣды.

Конечно, было необходимо выбросить прежнія, вполне не-

пригодныя формы и центр тяжести боя перенести на *огневое дѣйствіе*. Истинныя же причины поражений лежали, однако, не въ однѣхъ формахъ, а гораздо глубже. Онѣ такъ и остались тамъ, въ глубинѣ, скрытыми, но дававшими себя чувствовать и мѣшавшими всему организму арміи. Поэтому-то никакая форма не могла склонить успѣха на сторону русскихъ.

Въ началѣ войны и долгое время спустя русская пѣхота вела огневой бой взводными залпами. Качества отдѣльнаго стрѣлка отошли на задній планъ; на разумную волю и самостоятельность бойца не полагались. Поэтому стрѣльба постепенно снизошла до средства самооглушенія. Рѣшеніе боя русскіе видѣли въ штыковой атакѣ, напроломъ, густыми массами, не добившись главнаго условія успѣха — перевѣса въ огнѣ.

Одно редактированное въ Главномъ Штабѣ донесеніе объ атакѣ деревни Хегоутай въ концѣ января 1905 г. ставитъ въ особую похвалу войскамъ, что они ворвались въ деревню безъ выстрѣла. Это оказалось возможнымъ потому, что они были въ подавляющемъ большинствѣ. Въ другихъ случаяхъ фронтальныя атаки, вслѣдствіе такого порядка движенія, останавливались, а это въ концѣ концовъ привело къ тому, что всякія попытки къ активнымъ дѣйствіямъ погрязали въ пассивности.

Съ японской стороны огневому дѣйствію было удѣлено должное значеніе. Несмотря на это, вся боевая линія была переполнена стремленія впередъ всюду, гдѣ только являлась къ тому возможность. Поэтому для японцевъ огонь не служилъ самому себѣ; дальнѣйшій успѣхъ являлся не самъ собой, а лишь вслѣдствіе подавленія силы непріятельскаго огня и постепеннаго движенія впередъ.

Какимъ образомъ и насколько продвинуться впередъ — долженъ рѣшить каждый частный начальникъ. Всѣ должны быть проникнуты сознаніемъ, что каждое, даже малѣйшее движеніе впередъ части боевой линіи составляетъ успѣхъ въ общей

атакъ, и всюду должна царить твердая воля положить всѣ свои силы на пользу общаго дѣла.

Въ такомъ случаѣ сама собою выработается своя специальная форма, такъ какъ при хорошихъ начальникахъ даже закоснѣлая форма оживится и сдѣлается гибкою.

Заднія линіи боевого порядка, въ сферѣ непріятельскаго ружейнаго огня, у японцевъ не были въ какихъ-нибудь сомкнутыхъ строяхъ, но обыкновенно разсыпались въ цѣпь. Въ сферѣ артиллерійскаго огня японскія роты двигались обыкновенно по-взводно рядами, съ интерваломъ въ 20—30 шаговъ.

Но переходъ къ разомкнутымъ или особеннымъ сомкнутымъ строямъ происходилъ въ цѣляхъ уменьшенія потерь, только тамъ, гдѣ мѣстность не представляла закрытій. Пока же таковыя имѣлись, ими старательно пользовались и принимали форму строя соотвѣтственно величинѣ и направленію закрытія или же по временамъ совершенно отказывались отъ всякихъ формъ, если того требовала мѣстность. Такъ, напр., по узкимъ закрытіямъ, тянувшимся въ направленіи къ противнику, роты чаще всего продвигались поодиночкѣ, гуськомъ. Ближніе патрули охраняли роту отъ неожиданностей. Подобнымъ способомъ удавалось въ гористой мѣстности незамѣтно подкрадываться къ довольно безопасному противнику на 600—700 шаговъ; японцы вырастали какъ изъ земли и совершенно неожиданно открывали огонь.

Съ такимъ же искусствомъ пользовались японцы и хлѣбными посѣвами, и въ особенности гаоляномъ.

Одинъ изъ старшихъ русскихъ начальниковъ пытался поднять упавшій духъ своихъ войскъ, послѣ Ляояна, завѣреніями, что до сихъ поръ противъ нихъ были злые духи, сначала горный, а затѣмъ гаоляновый. На равнинѣ ихъ не будетъ и они не будутъ мѣшать русскимъ.

Но это не оправдалось. Не духи горъ и гаоляна лишили русскихъ вѣры въ свои силы, но духъ и превосходство обученія японской арміи.

Послѣ открытія огня японскія стрѣлковыя цѣпи паразитально скоро впитывали въ себя заднія линіи и нерѣдко доводились до густоты одношереножнаго строя.

Дальнѣйшее слѣдствіе стремленія ввести въ дѣло возможно большее число ружей заключается въ чрезвычайной ширинѣ фронтовъ боевыхъ порядковъ.

Является однако вопросъ — не имѣетъ ли такой способъ веденія боя и невыгодныхъ сторонъ? Въ самомъ дѣлѣ, японскому наступательному бою недоставало упорной, разрастающейся до непреодолимости, силы.

Съ перваго взгляда это противорѣчитъ многодневной продолжительности боевъ, но, вдумываясь въ ходъ ихъ, съ нимъ нельзя не согласиться.

Прежде всего, бои совсѣмъ не были такъ чрезмѣрно продолжительны, какъ то часто утверждалось. Къ этому вопросу мы вернемся ниже. Замѣтимъ лишь, что этому отчасти виною дальнобойность современнаго огнестрѣльнаго оружія, вынуждающая начинать наступленіе съ вдвое большихъ дистанцій, чѣмъ прежде.

Нельзя однакоже отказаться отъ мысли, что стремленіе къ чрезмѣрному растягиванію боевыхъ фронтовъ и быстрое расходованіе резервовъ увеличивали продолжительность хода наступленія.

Наступленіе часто «выдыхалось». Правда, обыкновенно удавалось быстро продвинуться на нѣсколько сотъ шаговъ впередъ, но затѣмъ силы наступающаго истощались и ихъ хватало лишь на удержаніе за собой пройденнаго пространства. Но такъ какъ и русскіе не сосредоточивали превосходныхъ силъ въ нѣкоторыхъ пунктахъ, а общій ходъ сраженія, по винѣ высшаго командованія, складывался для нихъ неблагоприятно, то наступалъ періодъ застоя до тѣхъ поръ, пока общій ходъ дѣла мало-по-малу не склонялся къ невыгодѣ русскихъ.

Главная заслуга въ этомъ для японцевъ принадлежитъ не лучшей формальной тактикѣ, а лучшему управленію войсками.

Нельзя отрицать того, что при другомъ противникѣ такіе длинныя періоды внутренней слабости наступающаго представляютъ большую опасность, потому что они даютъ правильно понимаемой и сгруппированной оборонѣ время для перехода къ активнымъ дѣйствіямъ.

Въ этихъ періодахъ застоя внѣшняя форма тактическихъ дѣйствій не имѣла замѣтнаго рѣшающаго дѣйствія. Русскіе при этомъ много разъ переходили въ частичное наступленіе. Результатомъ этихъ попытокъ были лишь несоразмѣрныя потери, совершенно какъ у австрійцевъ въ 1866 г. — слѣдствіе нецѣлесообразныхъ формъ.

Такія попытки оставались безуспѣшными съ обѣихъ сторонъ — у русскихъ и у японцевъ, хотя примѣнявшіяся ими формы были совершенно различны.

При этомъ, однако, нельзя не повторить еще разъ, что японцы превосходили своего противника не въ одной формѣ, но, главнымъ образомъ, въ живучей дѣятельной силѣ, въ безавѣтной энергіи, думавшей только объ одномъ — о стремленіи впередъ, къ общей цѣли, и придававшей общему ходу дѣла особенно высокій порывъ.

Успѣхъ былъ созданъ именно на этой основѣ, а внѣшнія формы, безыскусственныя, простыя и разумныя, только облегчаютъ выполненіе задачи и уменьшаютъ потери.

Донесенія съ театра военныхъ дѣйствій, хотя и основанныя на наблюденіяхъ отрывочныхъ эпизодовъ, вполне это подтверждаютъ.

Такъ, напр., одинъ командиръ полка, послѣ тяжкаго боя въ послѣдніе дни Ляояна овладѣвшій выдвинувшейся сопкой, получилъ вечеромъ приказъ начальника дивизіи покинуть занятую имъ сопку, потому что положеніе его было рискованно, а на поддержку рассчитывать было нельзя. Онъ отвѣтилъ просьбой разрѣшить остаться на мѣстѣ, будучи впередъ увѣренъ, что удержится на немъ. И дѣйствительно, войска съ такимъ духомъ удержались на сопкѣ.

Въ томъ же ляоянскомъ сраженіи гвардейская дивизія на крайнемъ правомъ флангѣ должна была вести наступленіе южнѣ Тайцзыхэ. Ея правый флангъ получилъ приказаніе собразовать свое движеніе со своимъ лѣвымъ флангомъ. Наступилъ полдень, а лѣвый флангъ не подавалъ признаковъ жизни; командиръ правофланговаго полка рѣшается взять на себя отвѣтственность и начать наступленіе въ назначенномъ ему направленіи. Ему удалось выбить русскихъ изъ двухъ сильно укрѣпленныхъ передовыхъ позицій и заставить ихъ отойти на главную. Атаку этой послѣдней онъ отложилъ до наступленія темноты.

Въ это время получается приказъ начальника дивизіи отойти назадъ. Расположившаяся правѣ гвардіи 12-я дивизія, которая должна была перейти рѣку, получила приказаніе начать эту операцію ночью.

Такъ какъ центръ тяжести боя передвигался на сѣверный берегъ рѣки и сосредоточеніе тамъ большихъ силъ было особенно важно, то гвардія не должна была болѣе ввязываться въ бой южнѣ рѣки.

Командиръ полка спокойно выждалъ въ такомъ опасномъ положеніи, на близкомъ разстояніи отъ противника, наступленія темноты и затѣмъ только безпрепятственно и безъ потерь увелъ свои баталіоны назадъ.

Даже такой самостоятельный образъ дѣйствій, совершенно не соответствовавшій измѣнившейся обстановкѣ, не привелъ за собою дурныхъ послѣдствій ни для общаго положенія дѣла, ни для самихъ войскъ. Наоборотъ, дерзкое, успѣшное наступленіе полка, конечно, не осталось безъ вліянія на противника и, быть можетъ, послужило поводомъ къ тому, что русскіе, имѣвшіе здѣсь значительно превосходныя силы, не рѣшились предпринять чего-либо даже и на слѣдующій день.

Пробудить такой духъ, поддержать и развить его, направить на вѣрный путь правильными тактическими воззрѣніями—должно въ каждой арміи составить предметъ главнѣйшей мир-

ной работы, если она не хочет заостенѣть въ формахъ и на войнѣ оказаться несостоятельной.

Всѣ начальники, не обучающіе непосредственно солдатъ, т. е. начиная отъ баталіоннаго командира и выше, должны видѣть въ этомъ свою спеціальную задачу и посвятить себя ей съ неутомимымъ усердіемъ.

Если у японцевъ нельзя усмотрѣть схемы при движеніи впередъ, до открытія огня, то тѣмъ менѣе она замѣтна во время сближенія съ противникомъ, послѣ начала ружейной стрѣльбы. Тамъ сказывается *искусство* младшаго команднаго элемента, здѣсь — его *энергія*.

Какъ велики должны быть перебѣгающія части — точно опредѣлить нельзя. Вся огневая линія, а главное каждый начальникъ должны быть проникнуты честолюбивымъ стремленіемъ дойти до врага и пользоваться для этой цѣли каждымъ моментомъ, когда подавляющій огонь противника кажется чуть легче. Начальникъ тогда увлекаетъ за собою столько людей справа и слѣва, насколько сильно его вліяніе на нихъ.

Въ огневомъ бою почти никогда не практиковалось перебѣжекъ отдѣленіями. Многіе старшіе японскіе офицеры считаютъ такой способъ дѣйствій прямо-таки вреднымъ. Большинство высказывается за перебѣжки взводами или ротами; нѣкоторые говорятъ и о болѣе крупныхъ частяхъ, а одинъ голосъ требуетъ даже перебѣжки всей цѣпью сразу, такъ какъ боевой опытъ показалъ, что непріятель невольно сосредоточиваетъ свой огонь на перебѣгающихъ частяхъ и поэтому онѣ несутъ болѣе значительныя потери.

Не выяснена точно и длина перебѣжекъ. Въ общемъ же существуетъ убѣжденіе, что лучше дѣлать ихъ длиннѣе, чѣмъ короче.

Атака начиналась нерѣдко уже съ 600 шаг., но большею частью съ 400 или 300 шаговъ. Нерѣдко сначала выбѣгали поодиначкѣ офицеры, а затѣмъ къ нимъ присоединялись самые храбрые солдаты. Вся же масса трогалась съ мѣста лишь

постепенно. Тамъ, гдѣ ожидали встрѣтить искусственныя препятствія, передовой линіи всегда придавались саперныя команды.

Несмотря на поразительную ловкость и выносливость японцевъ, всюду замѣчалось стремленіе насколько возможно облегчить ношу солдата въ наступательномъ бою. Поэтому въ пѣхотѣ было принято почти за правило идти въ бой въ штурмовомъ снаряженіи.

Если крѣпость позиціи или сила непріятельскаго артиллерійскаго огня дѣлала невозможнымъ наступленіе днемъ, или оно заранѣе признавалось мало обещающимъ успѣхъ, японцы охотно прибѣгали къ ночнымъ атакамъ.

Способъ дѣйствій былъ различенъ, смотря по тому — шла ли рѣчь объ окончаніи пріостановившагося боя или началѣ новаго.

Въ первомъ случаѣ передовая линія старалась продвинуться съ своей послѣдней огневой позиціи подъ прикрытіемъ темноты, настолько впередъ, пока этого не обнаруживалъ противникъ и не открывалъ сильнаго огня. Тогда все бросалось на землю и начинало какъ можно скорѣе окапываться. Вообще дѣйствительность огня ночью оказалась очень мала; почти всѣ пули летѣли черезъ головы; низкія цѣли подвергались только случайнымъ пораженіямъ. Какъ только непріятель успокаивался и огонь прекращался, наступленіе и самоокапываніе возобновлялись. Резервы шли за передовой линіей, самостоятельно окапываясь или пользуясь и расширяя окопы передовой линіи.

Благодаря такому образу дѣйствій, удавалось къ утренней зарѣ подходить къ противнику на 600 и даже 500 шаг. и съ разсвѣтомъ начинать рѣшительный огонь изъ окопа.

Очень интересно наступленіе цѣлой дивизіи съ резервной бригадой на 2 сопки въ центрѣ русскаго расположенія въ ночь съ 29 на 30 сентября, въ бою на Шахэ, когда сила позиціи вынудила отказаться отъ попытки овладѣть ею днемъ.

Примѣръ этотъ имѣетъ тѣмъ большую цѣну, что здѣсь были использованы уроки прежнихъ ночныхъ боевъ.

Первой и второй линіями командовали командиры бригадъ, а третьей, служившей главнымъ резервомъ,—начальникъ дивизіи.

Въ первой линіи было около 6 баталіоновъ, густой стрѣлковой цѣпью, локоть къ локтю. За ними, во второй линіи, въ 40—50 шагахъ, шло 8 баталіоновъ, ротными колоннами въ одну линію, и, наконецъ, въ третьей линіи, шагахъ въ 100—150 отъ второй, 9 баталіоновъ, въ резервныхъ баталіонныхъ колоннахъ.

Связь между тремя линіями поддерживалась сплошной цѣпью сигналистовъ съ бѣлыми флажками. Такая связь практиковалась и днемъ. Для взаимнаго распознаванія люди имѣли широкую бѣлую нарукавную повязку; вмѣсто обычныхъ шинелей цвѣта хаки, они были въ темныхъ шинеляхъ. Опытъ показалъ, что отличительные признаки, въ родѣ нарукавныхъ повязокъ, вселяютъ въ солдатахъ увѣренность и они охотнѣе идутъ въ штыки.

Съ вечера оба фланга получили направленіе на двѣ высокія сопки, вырисовывавшіяся на небѣ. Впереди ротъ первой линіи на близкой дистанціи шли особенно мужественные и ловкіе развѣдчики. При обнаруженіи противника они не смѣли стрѣлять, а сигнализировали назадъ и бросались на землю.

Войска получили категорическое запрещеніе открывать огонь; они должны были безостановочно идти впередъ. Штыки японскіе солдаты примыкаютъ не по приказанію или сигналу, а самостоятельно, передъ ударомъ въ штыки. Сигналомъ къ началу наступленія послужила зажженная копна соломы; движеніе началось ровно въ 1 ч. ночи.

Къ тремъ часамъ утра передовая линія подошла къ противнику на 400 шаговъ; отдѣльные наблюдательные посты были оттѣснены, при чемъ они открыли огонь.

Открыла его и артиллерія, но безрезультатно.

Когда японцы подошли на 150 шаговъ, начался со стороны русскихъ и ружейный огонь, но пули летѣли черезъ головы.

На лѣвомъ флангѣ японцевъ, несмотря на запрещеніе, завязался огневой бой; лишь правый флангъ ихъ безошибочно шелъ впередъ, ворвался на позицію, овладѣлъ ею и смогъ направить часть своихъ силъ влѣво. Атакованные тамъ съ трехъ сторонъ русскіе должны были отступить, понеся значительныя потери. Въ 4 часа утра вся позиція была въ рукахъ японцевъ и только въ одной деревнѣ шелъ еще ожесточенный бой.

Какъ бы то ни было, но всѣ 23 баталіона оказались въ концѣ концовъ настолько перемѣшанными, что потребовалось много времени, чтобы возстановить хоть какой-нибудь порядокъ. Вводъ въ бой нѣсколькихъ свѣжихъ баталіоновъ легко могъ бы склонить успѣхъ на сторону русскихъ.

Но они рѣдко улавливали такіе критическіе моменты японцевъ и пользовались ими. Но, конечно, на это, при иныхъ обстоятельствахъ, рассчитывать нельзя. Колебанія слѣпного случая, которымъ ближній ночной бой подверженъ въ значительно большей мѣрѣ, чѣмъ дневной, требуетъ сохраненія до конца сомкнутого резерва.

Въ бояхъ на Шахэ, вслѣдствіе чрезмѣрнаго растяженія фронта наступленія, въ первые дни его между отдѣльными дивизіями не было непосредственной связи. Онѣ образовали какъ бы самостоятельныя единицы, изъ которыхъ развертывался общій боевой порядокъ. Благодаря этому дивизіи могли, если это было необходимо, откладывать наступленіе до удобнаго момента. Въ сплошномъ боевомъ фронтѣ подобная свобода дѣйствій будетъ не всегда возможна. Тогда не останется ничего другого, какъ вступить въ бой одновременно съ сосѣдями. Дѣло начальника почувствовать, до какой мѣры должна быть при этомъ доведена энергія, чтобы на собственномъ фронтѣ приковать къ себѣ противника, стараясь однако сначала избѣ-

жать трудныхъ боевыхъ положеній. Для общаго успѣха будетъ всегда лучше зайти подальше въ первомъ направленіи, чѣмъ предоставить большее значеніе второму.

Уроки войны для *кавалеріи* незначительны.

Ни у одного изъ противниковъ не было первоклассной кавалеріи. У японцевъ нѣтъ для того подходящаго конскаго состава; у русскихъ—регулярной конницы было только 2 драгунскихъ полка (51 и 52); прибывшихъ на войну съ XVII корпусомъ; они повидимому выполнили свой долгъ въ Ляоянскомъ бою, ведя развѣдку къ сѣверу отъ Тайцзыхэ. Остальная конница состояла изъ казачьихъ полковъ 2-й и 3-й очередей, т. е. сформированныхъ во время мобилизаціи. Поэтому предъявлять къ нимъ большія требованія въ отношеніи боевыхъ конныхъ дѣйствій нельзя. Развѣдывательная служба ихъ была въ значительной мѣрѣ стѣснена неграмотностью нижнихъ чиновъ.

Этимъ, отчасти, можно объяснить жалобы на бездѣйствіе русской кавалеріи, на которую сначала возлагали столько надеждъ, основанныхъ на громадномъ численномъ перевѣсѣ ея надъ непріятельской. Но только отчасти: неувѣренность и неопредѣленность высшаго командованія были не меньшимъ препятствіемъ къ развитію сознательной и успѣшной дѣятельности кавалеріи.

Поэтому-то и случилось, что значительно слабѣйшая, но дѣятельная и предприимчивая японская кавалерія, несмотря на плохой конскій составъ, привлекла на себя большее вниманіе, чѣмъ русская.

Успѣшныя дѣйствія ея обнаружались въ бояхъ на Шахэ на правомъ флангѣ, къ сѣверу отъ Бенсиху, а подъ Мукденомъ—на крайнемъ лѣвомъ флангѣ, къ сѣверо-западу и къ сѣверу отъ него.

Уроки войны для *артиллеріи*, относительно движенія ея на поляхъ сраженій, несущественны. Плохой конскій матеріалъ японской артиллеріи былъ виною тому, что при пло-

хихъ дорогахъ и въ горахъ она передвигалась не иначе, какъ шагомъ, и перемѣна позицій почти ею не практиковалась.

За это артиллерія старалась стрѣлять черезъ головы своей пѣхоты почти до самаго штурма позиціи. Очевидцы поражаются, на какихъ близкихъ разстояніяхъ отъ своей пѣхоты она открывала огонь и съ какой увѣренностью поддерживала его до того момента, когда пѣхота почти исчезала въ дымѣ своихъ же шрапнелей, въ непосредственной близости отъ непрітельской позиціи. Японская пѣхота охотнѣе выносила случайныя пораженія своей артиллеріей, чѣмъ соглашалась преждевременно лишиться поддержки ея огня.

Съ русской стороны, оборонительный характеръ боевъ также даетъ больше примѣровъ образцоваго выдерживанія сильнѣйшаго огня, чѣмъ передвиженій. *см. у Кезисельса - 62-3*

Зато полны выдающагося интереса наблюденія за дѣйствительностью огня и способами веденія стрѣльбы.

Въ этомъ отношеніи съ обѣихъ сторонъ поражаетъ разочарованіе въ дѣйствительности артиллерійскаго огня.

Сначала это приписали свойствамъ шрапнельнаго огня и потому японцы мало-по-малу перешли къ бризантной гранатѣ, а русскіе притянули въ боевую линію старыя поршневыя батареи, такъ какъ новыя скорострѣльные пушки имѣютъ только шрапнель.

Доказать, что эти мѣропріятія улучшили дѣло, нельзя. Несмотря на это, громкія жалобы на слабость артиллерійскаго огня постепенно стихли. Во всякомъ случаѣ, разочарованіе въ чрезмѣрныхъ надеждахъ замѣнилось отрезвленіемъ.

Обстановка, въ которой на Дальнемъ Востокѣ велся артиллерійскій бой, повторится не въ каждой войнѣ.

Русскихъ война застала въ началѣ перевооруженія; новое орудіе требовало нѣкоторыхъ усовершенствованій. Новые уставы, во многомъ заимствованные у французовъ, были частью только выданы въ войска, а частью еще составлялись. Практическому испытанію въ артиллерійскихъ бригадахъ они под-

вергнуты не были. Значительная часть офицеровъ и нижнихъ чиновъ обучалась стрѣльбѣ изъ новаго орудія лишь въ теченіе войны. Массовое изготовленіе снарядовъ не было еще налажено.

Къ этому слѣдуетъ присоединить неправильные взгляды на тактическое употребленіе этого рода оружія. Оно основывалось не на массированіи артиллеріи, а, напротивъ, русскіе часто раздробляли бригады, вводя ихъ въ бой постепенно.

Мысль объ артиллерійскомъ резервѣ всюду такъ глубоко заѣла, что изъ большихъ потерь понесенныхъ сначала введенными въ бой батареями, вывели не необходимость сразу вводить ее всю, а, напротивъ, сознаніе счастья, что въ рукахъ имѣется еще нѣсколько свѣжихъ батарей для возстановленія нарушеннаго равновѣсія.

Отношеніе числа орудій къ остальнымъ родамъ оружія было приблизительно одно и то же у обоихъ противниковъ, т. е. около 3 на 1,000; въ Германіи въ настоящее время ихъ 6 на 1,000.

Всѣ вышеприведенныя обстоятельства не могутъ, однако, вполне объяснить относительную слабость артиллерійскаго огня въ минувшую войну.

Артиллерія, совершенно также какъ и пѣхота, не можетъ на войнѣ добиться хотя бы приблизительно обычныхъ результатовъ стрѣльбы мирнаго времени на полигонахъ. Если бы 2 года тому назадъ кто-нибудь сталъ увѣрять пѣхотинца, что въ начавшейся войнѣ, несмотря на скорострѣльную винтовку, противники по цѣлымъ часамъ будутъ разстрѣливать другъ друга съ 400, 300 и даже 70 шаговъ, тотъ навѣрное услышалъ бы въ отвѣтъ описаніе различныхъ опытовъ, категорически убѣждающихъ въ томъ, что исходъ такого ближняго боя не можетъ затянуться болѣе чѣмъ на нѣсколько минутъ. А между тѣмъ война дала тому цѣлый рядъ примѣровъ.

Затѣмъ, кто бы могъ, на основаніи таблицъ стрѣльбы и безчисленныхъ опытовъ мирнаго времени, повѣрить тому, что

пѣхота въ состояніи будетъ, подѣ сильнымъ шрапнельнымъ огнемъ съ 500—750 сажень, подняться по скату горы отчетливо видимой густой массой въ 40—50 шаг. глубины, не понеся значительныхъ потерь? что другой разъ пѣхота могла бы отступить изъ окоповъ и медленно, безъ большихъ потерь, перевалить черезъ гребень, положительно осыпаемый шрапнелью? что можно вести артиллерійскую дуэль съ 1,000 сажень, цѣлыми часами подѣ рядъ, безъ замѣтнаго ослабленія огня?

А между тѣмъ каждый бой подтверждаетъ, что *подавляющее* дѣйствіе достигалось только въ исключительныхъ случаяхъ.

Для ружейнаго огня примѣромъ можетъ послужить дивизія генерала Орлова, попавшая, при движеніи отъ Янтайскихъ копей на югъ, совершенно неожиданно подѣ сильнѣйшей ближней огонь японцевъ, совершенно такъ же, какъ нѣмецкая 38 пѣхотная бригада на крайнемъ лѣвомъ флангѣ при Вюнвилѣ.

Примѣръ подавляющаго дѣйствія артиллерійскаго огня даетъ Мукденское сраженіе, когда въ началѣ отступленія отъ Мукдена одна русская батарея, отходившая по уставу шагомъ, въ одно орудіе, попала подѣ шрапнель и осталась со всѣми своими орудіями на мѣстѣ, не пройдя и 200 шаговъ; другая батарея, рядомъ съ ней, отходила галопомъ и отдѣлалась незначительными потерями.

Если не считать такихъ исключительныхъ случаевъ, то дѣйствіе артиллерійскаго огня по артиллеріи и пѣхотѣ обыкновенно обнаруживалось очень медленно, особенно тамъ, гдѣ пѣхота уже устроилась на позиціи, а артиллерія уже снялась съ передковъ. Нельзя привести ни одного случая, когда бы непріятельская артиллерія была вынуждена къ полному и продолжительному молчанію, а пѣхота была уничтожена на позиціи или выбита изъ нея.

Въ этомъ нельзя не видѣть явленія, котораго слѣдовало ожидать еще до войны.

Никакія войска въ мирѣ не въ состояніи выдержать огня,

хотя бы приблизительно той же силы, каковъ онъ бываетъ на полигонахъ, по болванкамъ.

Но обслуживаніе орудія, наблюденіе за цѣлью и вообще все, что вліяетъ на результаты стрѣльбы, происходитъ на войнѣ совершенно въ иной обстановкѣ, чѣмъ на полигонахъ, и тѣмъ труднѣе, чѣмъ больше сознаніе опасности.

Въ бою дѣйствуютъ не орудіе или ружье, нечувствительныя къ нравственнымъ воздѣйствіямъ, а отданный въ жертву этимъ послѣднимъ, потрясенный близостью опасности, человекъ.

Для себя лично артиллерія можетъ продолжать руководствоваться опытами мирнаго времени. Но начальники, руководящіе дѣйствіями войскъ, должны основывать свои рѣшенія на урокахъ войны и должны твердо уяснить себѣ, что въ наступательномъ бою нѣтъ точнаго разграниченія артиллерійской дуэли и пѣхотной атаки, но что дѣйствія всѣхъ родовъ оружія должны быть съ самаго начала боя планомѣрно и дружно направлены къ достиженію общей цѣли.

Если бы бой состоялъ изъ самостоятельной артиллерійской дуэли и изъ механическаго указанія каждой войсковой части ея боевого участка, то въ управленіи боемъ необходимости не было бы. Искусство управленія и заключается въ томъ, чтобы вѣрно распознать сильныя и слабыя стороны свои и противника и, сообразуясь съ этимъ, направить всѣ силы противъ ближайшаго или опаснѣйшаго слабого пункта противника и, базируясь на это, шагъ за шагомъ добиться побѣды.

Только на абсолютно открытой равнинѣ, безъ всякихъ складокъ мѣстности и укрытій, если таковая гдѣ-либо найдется, на которой бой дѣйствительно можетъ свестись къ чисто механическому взвѣшиванію дѣйствительности огня, можно было бы думать о предварительномъ достиженіи перевѣса въ огнѣ. Въ остальныхъ же случаяхъ дѣйствительный перевѣсъ кроется въ личности начальника.

И въ прежнихъ войнахъ артиллерія не приводилась къ молчанію, а между тѣмъ атаки удавались.

Вообще же начальникъ долженъ быть свободенъ отъ предубѣжденія, что его искусство можетъ быть низведено къ простому механическому образу дѣйствій.

Можно даже представить себѣ много и такихъ случаевъ, когда начальникъ не придастъ значенія непріятельской артиллеріи и будетъ добиваться поставленной ему задачи инымъ путемъ, а своими батареями воспользуется для другихъ цѣлей, позаботившись только объ укрытіи ихъ отъ непріятельскаго огня, или мѣстностью, или разстояніемъ.

Эти разсужденія вовсе не имѣютъ цѣлью принизить значеніе артиллеріи. Она попрежнему остается остовомъ боевого порядка и боя. Слѣдуетъ только остерегаться преувеличивать дѣйствительность ея огня и требовать отъ нея рѣшенія боя.

Очень мало дѣйствительной и приводившей къ положительной расточительности въ снарядахъ была стрѣльба по площадямъ, къ которой такъ охотно прибѣгали русскіе, полагаясь на свою скорострѣльную пушку и подражая французамъ.

Дурныя послѣдствія имѣла и торопливая и грубая пристрѣлка русскихъ, производившаяся даже шрапнелью. Гораздо аккуратнѣе и точнѣе дѣйствовали японцы, сохранившіе, по нѣмецкому образцу, прицѣльную стрѣльбу и почти отказавшіеся отъ стрѣльбы по площадямъ.

Весь опытъ войны указываетъ на то, что нѣмцамъ выгоднѣе сохранить свой способъ веденія огня даже по принятіи новой скорострѣльной пушки. Одно только необходимо имѣть въ виду на практикѣ мирнаго времени — быстроту пристрѣлки.

Требованіе искусной и быстрой пристрѣлки конечно вполне законно. Но на практическихъ стрѣльбахъ стараются достигъ возможной при данной обстановкѣ быстроты не ради нея самой, а въ перегонки съ противникомъ. При этомъ интересуются не тѣмъ, на что пошло у батарейнаго командира время, а удалось ли выиграть у противника $\frac{1}{4}$ или $\frac{1}{2}$ минуты. Этимъ путемъ понятіе скорости обосновывается на ложномъ

основаніи. Война на Дальнемъ Востокѣ вновь показала, что $\frac{1}{4}$, $\frac{1}{2}$ и даже 5 минутъ — мы не говоримъ о нечаянномъ столкновеніи на близкихъ дистанціяхъ, которыхъ безусловно слѣдуетъ избѣгать,—не играютъ никакой рѣшающей роли. Не тотъ постепенно приобрѣтетъ въ продолжительной борьбѣ верхъ, кому удастся путемъ небрежной пристрѣлки перейти на поражение на $\frac{1}{4}$ минуты раньше противника, но тотъ, кто тщательнѣе и точнѣе пристрѣлялся. Поэтому на практическихъ стрѣльбахъ слѣдуетъ требовать правильнаго пониманія скорости, соединенной съ самой тщательной пристрѣлкой.

Расположеніе артиллеріи черезчуръ близко отъ пѣхотной огневой линіи всюду оказалось ко вреду обоихъ родовъ оружія. Въ Россіи принято укрѣплять позицію заблаговременно, по указаніямъ высшаго начальства и подъ наблюденіемъ инженернаго офицера, не соображаясь съ отрядомъ, который займетъ ее, и участки ея лишь послѣ того передаютъ войскамъ для обороны. Въ результатѣ, укрѣпленія не всегда отвѣчали желаніямъ войскъ, а въ началѣ войны батареи располагались на линіи пѣхотныхъ окоповъ. Съ теченіемъ времени артиллерія совсѣмъ не занимала этихъ закрытій, а располагалась въ 700—900 шаг. за ними, благодаря чему съ трудомъ открывалась противникомъ.

Дѣйствіе *пулеметнаго огня* заслуживаетъ большого вниманія, особенно по наступающей пѣхотѣ и съ близкихъ дистанцій.

Появленіе пулеметовъ во 2-й линіи Ляоянскихъ укрѣпленій произвело на японцевъ такое дѣйствіе, что побудило ихъ придать пулеметныя части пѣхотнымъ дивизіямъ и кавалерійскимъ бригадамъ. Уже на Шахэ, при кавалерійской бригадѣ принца Канина на крайнемъ правомъ флангѣ I арміи, въ горахъ, къ сѣверу отъ Бенсиху, дѣйствовала пулеметная команда, обстрѣливавшая съ близкихъ дистанцій колонны русскихъ.

Особенно бросающимся въ глаза явленіемъ въ русско-японскую войну служитъ чрезвычайно широкое примѣненіе *поле-*

выхъ укрѣпленій. Причиной тому былъ медленный ходъ какъ самой войны, такъ и отдѣльныхъ ея эпизодовъ.

Для насъ вполне понятно, что русскіе широко пользовались лопатой и киркой, выжидая японцевъ на заранѣе подготовленныхъ позиціяхъ. При этомъ война показала настоятельную необходимость маскировки укрѣпленій. Въ русскихъ батареяхъ обыкновенно тѣло орудія располагалось слишкомъ близко къ землѣ; поэтому съ каждымъ выстрѣломъ вскидывался кверху столбъ пыли и грязи, что облегчало японцамъ пристрѣлку.

Легкіе блиндажи въ цѣхотныхъ окопахъ, для прикрытія головъ стрѣлковъ отъ шрапнельныхъ пуль и осколковъ гранатъ, оказались очень полезными; это же замѣчено было и раньше, въ англо-бурскую войну.

Не менѣе тщательно, чѣмъ русскіе, японцы закрѣпляли за собою каждый захваченный участокъ поля сраженія и кромѣ того прибѣгали къ лопатѣ во время самого наступленія; солдаты, лежа въ цѣпи, стрѣляли и окапывались попеременно.

Для войскъ необходимо установить, что они должны всюду брать за лопату, какъ только есть время, *не вредя однако скорости и силъ своего огня.* Слѣдуетъ въ занятія мирнаго времени непремѣнно включить окапываніе ночью и лежа, конечно, имѣя всегда въ виду, что собственная сила основана всегда и исключительно на перенесеніи огня все ближе и ближе къ противнику, но не на укрѣпленіяхъ.

Для главнокомандующаго событія на Дальнемъ Востокѣ едва ли могутъ въ полномъ своемъ объемѣ послужить образцомъ, равно какъ укрѣпленіе позицій нельзя ставить исходнымъ пунктомъ для своихъ рѣшеній.

Правда, особенныя стратегическія условія—съ одной стороны медленность подвоза войскъ изъ Россіи, съ другой—выжиданіе результатовъ осады Портъ-Артура—въ связи съ особенностями театра войны, сдѣлали медленность операций необходимой. Такая медленность благоприятствуетъ фронталь-

ному столкновению армій, при известномъ стратегическомъ равновѣсїи. Но нельзя не признать, что, какъ ниже будетъ доказано, на характерѣ боевъ сказалось и своеобразие стратегическаго и тактическаго управленія войсками.

Такія сраженія, какъ Росбахъ, Лейтенъ, Йена, Мортара, Седанъ, вообще сраженія гибельныя для одной стороны, въ которыхъ эта гибель проносится ураганомъ, не даютъ ни времени ни случая для самоокапыванія, да и не требуютъ ихъ. Такіе успѣхи, конечно, основаны не на внѣшнихъ условіяхъ, но кроются въ душѣ, во внутренней силѣ полководца, который хотя и не въ состоянїи въ корнѣ измѣнить и овладѣть обстановкой, но все же въ значительной мѣрѣ можетъ воздѣйствовать на нее.

Какъ бы то ни было, нельзя пренебрегать пассивной силой, которую придаютъ обороняющемуся цѣлесообразно распределенныя и хорошо выстроенныя укрѣпленія. Почти нѣтъ случаевъ, чтобы такія укрѣпленія брались съ бою.

Укрѣпленія у Ташичао, у Хайчена—Симучена, были покинуты русскими добровольно, до начала серьезной атаки. Передовыя Ляоянскія позиціи у Аньшаньджана и Танхо серьезно не защищались.

Первую главную оборонительную линію у Ляояна русскіе защищали два дня противъ ожесточеннѣйшихъ атакъ японцевъ, равно какъ и главную линію фортвъ. Только когда русскіе въ значительной мѣрѣ очистили ихъ, японцамъ удалось ворваться въ укрѣпленія.

Совершенно то же видимъ и подъ Мукденомъ, на позиціи на Шахэ и къ западу отъ Мукдена.

Несмотря на все это, укрѣпленія не спасли русскихъ отъ отступленія и пораженія. Переломъ боя, заставлявшій бросать укрѣпленныя позиціи, осуществлялся иными средствами, зависѣвшими отъ рѣшеній высшаго командованія.

Все-таки, большая обороноспособность укрѣпленной позиціи, конечно, заставитъ войска, обреченныя на простое удержаніе,

жаніе въ рукахъ опредѣленнаго участка, самымъ тщательнымъ образомъ заняться постройкой укрѣпленій.

Долговременныя укрѣпленія на Дальнемъ Востокѣ оказались не менѣе цѣнными для пассивной обороны, хотя и не въ связи съ операціями полевой войны.

Портъ-Артуръ не только заставилъ врага понести тяжкія потери, но доставилъ защиту и флоту и выигралъ для полководца цѣлыхъ 11 мѣсяцевъ, въ теченіе которыхъ русскіе успѣли сосредоточить большія силы. Въ этотъ долгій промежутокъ времени крѣпость давала возможность полевой арміи вернуть войну въ свою пользу и это не ея вина, если полководецъ и полевая армія не оказались на высотѣ такой задачи.

Не меньшее, хотя и незамѣтное вліяніе имѣлъ и Владивостокъ. Нѣтъ сомнѣній въ томъ, что высшее командованіе японцевъ, исходя изъ правильнаго пониманія обстановки, не переставало думать о занятіи русской территоріи. Послѣ полнаго уничтоженія русскаго флота являлось большимъ соблазномъ занять, кромѣ Сахалина, и Южно-Уссурійскій край. Не будь Владивостока, эта операція была бы легко выполнена, но сильная крѣпость положила предѣлъ этимъ мечтаніямъ. Осада крѣпости, при которой пришлось бы бить въ лобъ сильно укрѣпленный узкій полуостровъ, безъ существенной поддержки флота, потребовала бы такихъ силъ, что равновѣсіе въ полевой войнѣ едва ли могло быть сохранено. Если Россія вступила въ мирные переговоры, не будучи вынуждена выкупать захваченной непріателемъ территоріи, то она обязана этимъ Владивостоку, широко окупившему такимъ путемъ расходы на его укрѣпленіе.

Обращаемся къ *общимъ тактическимъ* выводамъ войны.

Здѣсь бросается въ глаза растягиваніе боевъ въ пространствѣ и во времени.

Оба эти явления интересны и съ той точки зрѣнія—составляютъ ли они что-нибудь новое, съ чѣмъ придется впредь считаться, или же это явления случайныя, основанныя на особенностяхъ противниковъ, театра войны и обстановки, и потому не подлежащія обобщенію?

Что касается до растягиванія боевъ въ ширину, то одна изъ причинъ его установлена выше, а именно, тактическія дѣйствія пѣхоты, старавшейся ввести въ дѣло какъ можно больше ружей. Японское высшее командованіе почувствовало невыгоды, связанныя съ быстрымъ расходомъ резервовъ. Маршалъ Ояма, послѣ Ляоянскаго боя, все время старался выдѣлать въ свое распоряженіе сильныя резервы.

Другая причина растягиванія боевыхъ фронтовъ лежитъ въ области стратегіи, въ группировкѣ силъ передъ боемъ. Стремленіе японцевъ имѣть достаточныя силы не только передъ всѣмъ фронтомъ противника, но и на флангахъ, ясно обнаруживается.

На первой причинѣ—чрезмѣрно быстромъ расходеваніи тактическихъ резервовъ, какъ бы выливаніи всѣхъ силъ разомъ, слѣдуетъ, въ виду особой важности вопроса, остановиться, чтобы еще разъ подчеркнуть кроющуюся здѣсь опасность.

Здѣсь рѣчь идетъ не объ одномъ непрерывномъ питаніи огневого боя въ теченіе долгихъ часовъ, для чего младшіе начальники должны имѣть въ своемъ распоряженіи резервы, но еще въ большей степени о возможности парировать случайности боя, его неожиданныя, вызванныя противникомъ, колебанія. Здѣсь войска, находящіяся въ огневой линіи, помочь не могутъ. Имъ остается только одно—израсходовать свои силы, съ большей или меньшей энергіей и успѣхомъ, на данномъ мѣстѣ, и этимъ ослабить противника. Для совершенно новаго и неожиданнаго проявленія силъ войска эти непригодны, подобно тому, какъ одно и то же количество воды не можетъ въ одно и то же время приводить въ движеніе двѣ мельницы.

Поэтому сюда слѣдуетъ приложить силы главнаго резерва, который и можетъ получить свою спеціальную задачу.

Такихъ неожиданностей, вообще говоря, для японцевъ не было. Но было бы самымъ роковымъ заблужденіемъ видѣть въ этомъ доказательство, что ихъ вообще не будетъ въ современныхъ сраженіяхъ, и вывести отсюда полезный урокъ для будущаго. Какъ Ляоянское сраженіе, такъ и въ особенности Мукденъ съ поразительной ясностью свидѣтельствуютъ, какое рѣшающее значеніе для обороны могъ имѣть сильный, державшійся далеко назади, резервъ.

Именно вслѣдствіе того, что дальнобойное огнестрѣльное оружіе увеличиваетъ дистанціи, на которыхъ ведется бой, и дѣлаетъ ихъ трудно проходимыми, удлиняя вмѣстѣ съ тѣмъ и продолжительность боя, выдѣленіе сильныхъ резервовъ особенно необходимо. Именно теперь въ распоряженіи непріятельскихъ резервовъ больше времени для выполненія различныхъ операцій, а распознаваніе этихъ послѣднихъ стало труднѣе.

Слѣдуетъ безусловно держаться того правила, что каждый начальникъ можетъ проявить свое вліяніе на ходъ боя только вводомъ находящихся въ его распоряженіи резервовъ. Разъ ихъ у него больше нѣтъ, онъ какъ бы выходитъ изъ числа дѣйствующихъ лицъ, его должность упраздняется и ему не остается ничего иного, какъ проявить личное вліяніе въ огневой линіи.

Другой вопросъ—насколько высоко по іерархической лѣстницѣ и насколько внизъ возможно активное воздѣйствіе начальника на ходъ боя на протяженіи огневого фронта?

Указать границы этого вліянія вверхъ по командной лѣстницѣ не легко. Въ крупныхъ отрядахъ тактическая роль старшаго начальника исчезаетъ, когда направленные имъ массы, а слѣдовательно и разстоянія, достигнуть такихъ размѣровъ, что нельзя болѣе рассчитывать измѣнить ходъ боя произвольнымъ перемѣщеніемъ резервовъ. Высшее командо-

ваніе должно удовольствоваться подготовкой успѣха надлежащей стратегической группировкой силъ.

Это ограниченіе имѣеть болѣе мѣста въ наступательномъ бою, чѣмъ въ оборонительномъ. Рѣшаясь на послѣдній, дѣятельный главнокомандующій скорѣе ограничить размѣры боевого фронта, чтобы оставить больше силъ въ резервѣ и по собственному почину нанести ими ударъ, чѣмъ выпустить изъ рукъ всѣ силы и все предоставить врагу и случаю.

Мукденъ служить тому яркимъ и грознымъ примѣромъ.

Въ наступательномъ бою, который, съ возрастаніемъ массъ, все сильнѣе связывается первоначальнымъ планомъ и гдѣ уже заранѣе приходится формулировать свое намѣреніе, такой потребности у высшаго командованія въ сохраненіи резервовъ нѣтъ, потому что онъ не въ силахъ уже измѣнить разъ начатаго выполненіемъ плана. Оно должно лишь направить къ рѣшительному пункту столько силъ, сколько нужно, чтобы подавить всякое сопротивленіе непріятеля.

Несмотря на это, маршалъ Ояма, послѣ Ляоянскаго сраженія, началъ выдѣлять сильныя резервы.

Это оказалось необходимымъ на Шахэ, гдѣ японцы, въ сущности, вели оборонительный бой. При переходѣ въ наступленіе нельзя было заранѣе предугадать, какъ будутъ сгруппированы силы русскихъ, каковъ будетъ ходъ боя и куда перенести центръ тяжести своего удара.

Выдѣленіе резерва подъ Мукденомъ для японцевъ кажется уже менѣе обоснованнымъ, такъ какъ здѣсь не могло быть никакихъ сомнѣній относительно центра тяжести удара; кромѣ того, выдѣленные въ резервъ силы могли быть сразу направлены на лѣвый флангъ, гдѣ онѣ въ концѣ концовъ и очутились.

Вѣдь, въ сущности говоря, тѣ силы, которыя высшее командованіе направляетъ, согласно задуманнаго плана, противъ рѣшительнаго пункта, по характеру своего дѣйствія и могутъ

быть названы резервомъ главнокомандующаго. Во всякомъ случаѣ, этотъ планъ въ общихъ чертахъ уже намѣчаетъ мѣсто и способъ использованія этихъ силъ: парированіе ли мѣропріятій противника на рѣшительномъ пунктѣ, или если таковыхъ не оказывается, то усиленіе своего дѣйствія на этомъ пунктѣ. Какъ дѣло разыгрывается на второстепенныхъ пунктахъ—совершенно безразлично. Важность успѣха на рѣшительномъ пунктѣ покроетъ все остальное. Если же этого не будетъ, то это лучший признакъ того, что центръ тяжести своихъ силъ былъ направленъ на второстепенный пунктъ, а противнику удалось осуществить свой планъ.

Поэтому японскій главнокомандующій долженъ былъ въ громадной силѣ своего лѣваго фланга въ мукденскомъ сраженіи видѣть какъ бы свой резервъ; эта сила смогла бы парировать всѣ мѣропріятія русскихъ и распространить собственный успѣхъ до полного уничтоженія непріятельскихъ силъ. Временное удержаніе спеціальнаго резерва за лѣвымъ флангомъ имѣло второстепенное значеніе.

Если теперь обратиться къ вопросу, какъ далеко внизъ по іерархической лѣстницѣ распространяется тактическое воздѣйствіе начальниковъ на ходъ боя, то едва ли кто будетъ оспаривать мнѣніе, что эта граница лежитъ между баталіоннымъ и ротнымъ командирами. Вліяніе ротнаго командира распространяется только въ предѣлахъ управленія огневымъ боемъ.

Поэтому-то японцы обыкновенно сразу разсыпали цѣлыя роты. Слѣдовательно, питаніе огневого боя сразу выпадаетъ на долю баталіонныхъ резервовъ, а дѣятельность командира баталіона преимущественно на этомъ и сосредоточится.

Нѣмецкіе уставы обязываютъ ротнаго командира оставлять въ поддержкѣ возможно больше, очевидно въ цѣляхъ питанія огневого боя роты. Этимъ дается большій просторъ самостоятельности ротнаго командира.

Японцы съ начала боя приковываютъ его къ стрѣлковой цѣпи.

Какому изъ обоихъ способовъ отдать преимущество — сказать трудно, хотя самъ по себѣ вопросъ этотъ второстепеннаго характера.

Если искать полезныхъ тактическихъ указаній опыта войны, то скорѣе для способовъ подвода резервовъ, слѣдующихъ непосредственно за цѣпью, къ этой послѣдней. Въ случаѣ невозможности приискать какое-либо закрытіе, японцы, какъ было говорено раньше, вели эти резервы цѣпями. Нельзя, однако, не указать и на то обстоятельство, что это способствуетъ самовольному вливанію поддержекъ въ стрѣлковую цѣпь.

Нѣмцы хотятъ держать эти части въ сомкнутомъ строю, что, по мнѣнію маіора Лёффлера, окажется подъ огнемъ невыполнимымъ и приведетъ къ произвольному расползанію войскъ, попавшихъ подъ огонь.

Поэтому не остается ничего другого, какъ признать, что всякая войсковая часть, которая попадаетъ въ сферу дѣйствительнаго непріятельскаго огня, безразлично, въ какомъ бы строѣ она ни находилась, перестаетъ быть резервомъ. Предохранить отъ этого резервы есть дѣло распоряжающагося ими начальника, а относительно поддержекъ — дѣло младшихъ начальниковъ.

Резервамъ необходимо сохранить свободу движенія въ стороны; поэтому при выборѣ мѣста ихъ расположенія и способа ввода въ бой слѣдуетъ прежде всего рѣшить — насколько близко къ огневой линіи *приходится* ихъ держать.

Поддержкамъ обыкновенно приходится двигаться только впередъ, иногда для скорѣйшаго вступленія въ бой. Поэтому ихъ начальникамъ приходится думать о томъ, какъ бы *поближе* подвести ихъ къ огневой линіи. Тщательная оцѣнка мѣстности, по которой приходится двигаться, съ точки зрѣнія закрытій во время движеній и остановокъ, выборъ строевъ, наблюденіе за колебаніями силы непріятельскаго огня для перехода открытых пространствъ — все это требуетъ по меньшей мѣрѣ такого

же пониманія дѣла и напряженія вниманія, какъ и при управленіи огневой линіей.

Но и здѣсь общимъ для всѣхъ, обязательнымъ механическимъ правиламъ нѣтъ мѣста. Поэтому, тотъ, который для руководства въ своихъ поступкахъ ищетъ формальныхъ вспомогательныхъ средствъ, тотъ не найдетъ въ урокахъ войны ничего поучительнаго. А между тѣмъ эти уроки имѣютъ положительную сторону, такъ какъ доказываютъ, что въ разлагающемъ пылу огневого боя никакая внѣшняя форма не спасетъ войсковую часть отъ распаденія, подобно тому, какъ только твердость и внутреннее строеніе металла вліяютъ на его плавкость.

Форма убиваетъ и только *духъ* даетъ жизнь и потому, при изученіи уроковъ минувшей войны, все сильнѣе выясняется необходимость развивать въ войскахъ этотъ духъ, поставить его, облеченнаго въ правильные тактическіе принципы, впереди всего, обучивъ войска простѣйшимъ, гибкимъ, пригоднымъ ко всякой обстановкѣ формамъ. Подъ этимъ духомъ мы подразумѣваемъ не тотъ духъ, который поверхностно пронесется надъ всѣми формами, но духъ истинный, скромный, пытающійся проникнуть вглубь вещей, поднять до себя все, что тамъ найдется и переработать его въ себѣ. При этомъ формы никогда не займутъ преобладающаго мѣста.

Во всякомъ случаѣ, чрезмѣрное растягиваніе сраженій въ пространствѣ слѣдуетъ считать ошибкой, развѣдающей внутреннюю силу боя и, вслѣдствіе быстраго расходованія резервовъ, нейтрализующей главнокомандующаго.

Обращаемся къ другому вопросу—чрезмѣрному растягиванію сраженій во времени.

Выше было уже указано на два момента, связанные съ этимъ фактомъ: истощеніе силъ японцевъ во время отдѣльныхъ періодовъ боя и увеличеніе дистанцій, съ которыхъ начинался бой. Вліяніе количественнаго возрастанія войскъ на Дальнемъ Востокѣ не имѣло мѣста. Силы противниковъ вна-

чалъ не достигали размѣровъ, напр., Лейпцигской битвы, Кениггреца или крупныхъ сраженій войны 1870—1871 гг., и только къ концу войны приблизительно сравнялись съ ними.

Первый моментъ находится въ связи съ стратегическимъ и тактическимъ способами управленія арміями и потому общаго значенія не имѣеть.

Второй зависитъ отъ состоянія вооруженія и потому можетъ считаться явленіемъ новымъ.

Конечно, строго говоря, новизна эта очень условна. Вынуждаетъ ли артиллерійскій огонь къ тактическимъ мѣропріятіямъ только съ 750 сажень, какъ то было 30 лѣтъ назадъ, или съ 1,700 до 2,000 саж., какъ теперь, а ружейный огонь, вмѣсто 800 шаговъ, съ 1,500—2,000 шаговъ — *рѣшающаго* значенія это обстоятельство имѣть не можетъ. Если же нѣтъ никакого новаго внутренняго стимула, то нѣтъ основаній полагать, что сущность современнаго боя приметъ иной характеръ, чѣмъ прежде.

Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что наступленіе требуетъ большаго времени, чтобы съ боемъ пройти большее пространство. Зато теперь ему нечего сходить такъ близко, какъ прежде, чтобы привести бой къ рѣшенію. Въ 1870—1871 гг. нужно было подходить на 300 шаговъ, а теперь можно потрясти противника съ 600, 700 и дальше болѣе шаговъ.

Усиленіе огнестрѣльнаго дѣйствія современнаго оружія выгодно преимущественно оборонѣ, но не ей одной исключительно.

Оно благопріятствуетъ и атакующему, ускоряя развязку на рѣшительныхъ пунктахъ, если начальникъ сумѣлъ сосредоточить сюда подавляющія силы.

Слѣдовательно и здѣсь преимущество будетъ на сторонѣ искуснаго командованія. Во всякомъ случаѣ дальнобойный и интенсивный огонь противодѣйствуетъ затягиванію боя.

Поэтому едва ли можно согласиться съ тѣмъ, что современныя сраженія *всегда* будутъ растягиваться въ пространствѣ и во времени, какъ на Дальнемъ Востокѣ. Причины

этихъ явленій скорѣе заключаются въ спеціальному характерѣ войны, а именно въ характерѣ управленія войсками, чѣмъ въ перемѣнахъ, имѣющихъ общее значеніе.

Кромѣ того, не слѣдуетъ упускать изъ вида, что многіе бои совсѣмъ не продолжались такъ долго, какъ о томъ пишутъ.

Поверхностные корреспонденты привыкли подводить подъ понятіе сраженія цѣлые періоды, отъ начала тактическихъ дѣйствій до ихъ окончанія. Съ тѣмъ же правомъ можно бы всѣ бои въ концѣ іюня 1866 г., начиная со вступленія въ Богемію, приурочить къ Кениггрецу или бои съ 14 по 18 августа 1870 г. назвать сраженіемъ подъ Мецомъ.

Съ другой стороны, и въ 1870 г. нѣкоторыя сраженія длились по нѣсколько дней. Достаточно вспомнить бои къ сѣверу отъ Парижа, зимой, орлеанскіе бои, Лемансъ, Лизенну. Наконецъ, вспомнимъ бои въ началѣ похода 1796 г., Арколе, Лейпцигъ...

Никому еще не приходило въ голову объяснять это огнестрѣльнымъ дѣйствіемъ. Наконецъ самый фактъ существованія этихъ примѣровъ въ разныя эпохи доказываетъ, что не здѣсь слѣдуетъ искать причину явленія.

Истинная причина длительности боевъ заключается въ стратегической и тактической обстановкѣ этихъ сраженій.

Но и русско-японская война даетъ примѣры быстрыхъ, даже поразительно быстрыхъ и рѣшающихъ боевъ; таковы напр., бои II японской арміи въ началѣ октября на лѣвомъ флангѣ на Шилихэ, которые включили въ битву на Шахэ; въ I японской арміи бой на Ялу и подъ Ляояномъ, къ сѣверу отъ Тайцзыхэ, противъ дивизіи генерала Орлова; здѣсь рѣшеніе было достигнуто, благодаря подавляющему огневому дѣйствію, въ нѣсколько минутъ.

Съ другой стороны не можетъ быть и рѣчи о непрерывныхъ дѣйствіяхъ отдѣльныхъ частей арміи въ различные періоды боя.

Такъ, напр., подъ Ляояномъ японскія дивизіи вели бои:

Въ I арміи:

12-я дивизія въ ночь съ 12 на 13 августа атакуетъ лѣвый флангъ русскихъ на Тайцзыхэ и сбиваетъ Тамбовскій полкъ съ занятого имъ гребня горъ. 20 августа она въ короткое время разбиваетъ дивизію Орлова.

2-я дивизія принимаетъ небольшое участіе въ бояхъ 13 августа на передовыхъ позиціяхъ восточнаго фронта русскихъ на Танхэ.

Одна бригада въ бою 19—20 августа овладѣваетъ высокою къ югу отъ Сахутуня и, будучи вѣроятно поддержана другой бригадой, отбиваетъ контръ-атаку русскихъ 20 августа.

Гвардейская дивизія ведетъ 13 августа упорную атаку на правый флангъ восточнаго фронта на Танхэ и настаиваетъ 15 августа сильныя части Восточнаго отряда, отступающаго по долинѣ черезъ Вантабай, гдѣ и причиняетъ имъ большія потери.

17 августа одинъ полкъ праваго фланга ея по собственной инициативѣ атакуетъ русскихъ на юго-восточномъ фронтѣ и вечеромъ отводится назадъ.

Въ IV арміи:

Такъ какъ русскіе очистили въ ночь съ 13 на 14 августа Айсяндзянскую позицію, не дождавшись наступленія японцевъ, то бои II и IV армій начинаются только 17 августа.

10-я дивизія атакуетъ въ этотъ день 3-й корпусъ у Миндіафаня и вечеромъ отходитъ на прежнюю позицію. 21 августа она принимаетъ участіе въ атакѣ фортвовъ къ югу отъ Ляояна.

5-я дивизія 17 августа производитъ безъ особаго труда наступленіе до Дава и заканчиваетъ его на другой день движеніемъ на Синминтинъ. 21 августа она атакуетъ форты къ югу отъ Ляояна.

Во II арміи:

17 августа завязка боя противъ высотъ Маेतуня, 18 сильный бой на нихъ; 21 августа, послѣ полудня, атака фортовъ къ югу отъ Ляояна.

То же самое можно прослѣдить и для другихъ боевъ. О непрерывномъ участіи всѣхъ войскъ въ этихъ рѣшительныхъ періодахъ не можетъ быть и рѣчи.

Несмотря на это, масса критиковъ, пораженныхъ продолжительностью кризисовъ, приняли ихъ за одно и то же сраженіе и не потрудились расчленивъ общій ходъ операцій и разобраться въ причинахъ отдѣльныхъ явленій.

Война на Дальнемъ Востокѣ имѣла для русскихъ послѣдствіемъ не только пораженіе ихъ армій, но и тяжелыя внутреннія потрясенія, ослабленіе финансовыхъ силъ и потерю послѣднихъ земельныхъ пріобрѣтеній. Потребуется и много времени, и напряженія всего народа, пока Россія переживетъ эти послѣдствія. Было бы однако ошибочнымъ думать, что это пораженіе можетъ привести къ потерѣ престижа Россіи и къ выходу ея изъ числа всемірныхъ державъ; это могло бы случиться лишь при полномъ упадкѣ націи. Вообще же такія преувеличенныя заключенія смолкли послѣ подписанія мирнаго договора.

Всемирная исторія при такихъ существенныхъ переворотахъ въ государствѣ двигается медленными шагами. На борьбу Рима съ Карфагеномъ, на паденіе римскаго могущества, на разрѣшеніе борьбы между Франціей и Англійей, Англійей и Испаніей, Габсбургами и Франціей, Пруссіей и Австріей требовались вѣка. И на Дальнемъ Востокѣ послѣднее слово будетъ сказано еще очень нескоро.

Для Японіи теперешній успѣхъ еще долженъ окупиться въ будущемъ и прежде всего скажется въ замѣтномъ экономическомъ подъемѣ.

И-11058

Война на Дальнемъ Востокѣ вновь доказала, какое рѣшающее вліяніе на каждую отрасль народной жизни имѣеть побѣда или поражение, хотя бы война захватила и не весь народъ, а велась даже на чужой землѣ. Она показываетъ, какъ народъ, не боящійся въ мирное время расходовъ на подготовку къ войнѣ, поддерживающій свою боевую способность, обезпечиваетъ и создаетъ свое будущее благополучіе.

Выходомъ восьмого выпуска мы закончили изданіе «художественнаго альбома съ текстомъ **Русско-Японская война на сушѣ и на морѣ**» и тѣмъ исполнили принятое на себя обязательство предъ нашими подписчиками.

Задавшись цѣлью создать художественный альбомъ текущей войны, мы поставили себѣ условіемъ дать матеріаль, строго отвѣчающій дѣйствительности, и не допускать отклоненій отъ правды какъ въ текстѣ, такъ и въ художественныхъ изображеніяхъ.

Искренно извиняемся за нѣкоторое промедленіе выхода очередныхъ выпусковъ, но поставленная нами задача вызвала непреодолимая препятствія для быстроты хода изданія: корреспонденціи по первому впечатлѣнію и даже официальные сообщенія черезъ нѣкоторое время представлялись совершенно въ иномъ свѣтѣ, а потому послѣдовательное изложеніе хода событій потребовало полнаго всесторонняго освѣщенія, для выполненія чего необходимо было тратить много времени.

Рисунки и картины, по нашему плану, должны были быть исполнены художественно, что и отличаетъ наше изданіе отъ другихъ; для этого были приглашены лучшіе наши художники-баталисты, которымъ требовалось много времени для воспроизведенія своихъ картинъ, тѣмъ болѣе, что, по заявленному нами условію, рисунки и картины не должны были представлять изъ себя плоды фантазіи художниковъ; послѣднимъ необходимо было ожидать матеріала съ театра военныхъ дѣйствій, согласно которому изображеніе воспроизводилось уже здѣсь. Поэтому наши картины и рисунки, помимо ихъ художественности, являются не случайными, а строго отвѣчаютъ дѣйствительности и тѣсно связаны съ текстомъ. **Настоящее изданіе должно служить памятникомъ пережитаго событія „Борьбы Россіи съ Японіей“.** Историческое значеніе подобнаго изданія внѣ всякаго сомнѣнія.

ТРЕБОВАНИЯ АДРЕСОВАТЬ

исключительно въ Складъ В. А. БЕРЕЗОВСКАГО,

С.-Петербургъ, Колокольная, № 14.

См. на обор.

ЗАКОНЧЕНО ПЕЧАТАНІЕМЪ ИЗДАНИЕ

художественнаго альбома съ текстомъ

„Русско-Японская война на сушѣ и на морѣ“.

Въ иллюстрированіи альбома принимали участіе художники-баталисты *И. А. Владиміровъ, В. В. Игнациусъ* († командиръ броненосца „Князь Суворовъ“), *Н. Н. Каразинъ, Н. И. Кравченко, И. И. Крыловъ, А. Г. Орловъ, Н. С. Самокишъ, А. П. Сафоновъ, В. А. Табурицъ, О. Шарлеманъ* и др.

Альбомъ состоитъ изъ 2-хъ серій, по 4 выпуска въ каждой.

Въ каждомъ выпускѣ помѣщены картины на отдѣльныхъ листахъ мѣловой бумаги, художественно выполненныя въ два тона (автотипія „Dublex“) или въ три краски. ТЕКСТЪ ОТДѢЛЬНО на веленовой бумагѣ со множествомъ портретовъ участниковъ войны и иллюстраціями.

Цѣна всего изданія изъ 2-хъ серій **15** рублей,
съ пересылкой и упаковкой **17** рублей.

Въ художественномъ переплетѣ **18** рублей,
съ пересылкой и упаковкой **20** рублей.

Выпуски отдѣльно по **2** рубля, съ пересылкой и упаковкой
2 рубля **50** копѣекъ.

Издатель *В. А. Березовскій*
Редакторъ-Издатель „Развѣдчикъ“.

Редакторъ подполковникъ *М. Н. фонъ-Бритъ.*

MCS
24

2014028993